

Татьяна Орлова

**ДОПУСТИМАЯ
ПОГРЕШНОСТЬ
НЕКРОМАНТИИ**

18+

Тальяна Орлова
Допустимая погрешность
некромантии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42611282
SelfPub; 2019*

Аннотация

Жить сразу в двух мирах, да еще и с нерешительной соседкой по сознанию – то еще удовольствие! Но Ольга сдаваться не умеет. Лишь бы некроманты держали себя в руках. При создании обложки использовано изображение с сайта shutterstock.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	53
Глава 4	71
Глава 5	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Глава 1

Вот бывают такие дни, когда лучше не вылезать из постели. Несмотря на проблемы, прогулы и затекшие бока – не вылезать! Это был как раз один из таких дней, однако я до мудрейшей философской мысли к тому моменту не дошла до такой степени, чтобы следовать инстинктам.

Началось с того, что когда принимала душ, упала в обморок. Просто отключилась, а потом очнулась на скользком полу, щедро поливаемая теплой водой. И ведь обмороки совсем мне несвойственны. Да я никогда до сих пор в них не оказывалась, но сообразила быстро: это не что иное, как самый настоящий обморок. Когда ты открываешь глаза и не понимаешь, что происходит. Вот если бы в мои привычки входило укладываться спать в любом теплом и влажном местечке, тогда можно было подтянуть и другое объяснение. Но это была потеря сознания, длившаяся, возможно, всего несколько секунд. Мне даже сон какой-то привиделся: перед глазами промелькнула мрачная картинка, вспомнить которую в подробностях не удалось. И что же я? Поднявшись на ноги и не ощутив признаков головокружения, не вернулась в безопасную постель, а поспешила в институт. Да, до философской мудрости мне далеко.

На первую пару все равно опоздала. Да и весь день получился каким-то сумбурным. Не было бы большой беды, если

бы я его провела в постели. Хотя вряд ли моя кровать могла гарантировать избавление от дальнейших неприятностей.

В трамвае по пути домой я снова отключилась. Хотя, возможно, на этот раз задремала. Но вот картинка, привидевшаяся мне утром, теперь вспомнилась отчетливо. Даже детали удалось разглядеть: какое-то темное, очень мрачное и душное помещение, освещаемое или плохим светильником, или вовсе каким-нибудь факелом. И голоса:

– ...может быть, она ведьма?

– С чего ты взял? Не рыжая ведь! – неприятный гогот.

Я только на минутку успела ухватить лицо – молодой парень, совсем еще подросток. Кажется, я даже разглядела подростковые прыщи на подбородке и черный воротник... А потом очнулась. Или проснулась. Поежилась от неприятных ощущений. Вернувшись домой, все же отдалась на волю судьбы – отправилась в кровать. Эти полтора обморока могут быть следствием простуды или переутомления. Хотя я и понятия не имела, что такое переутомление, но чисто теоретически когда-то оно со мной должно было приключиться. Это ничего, что я в библиотеку после занятий не зашла, не передала старосте факультета список участников на предстоящий парад и репетицию по танцам пропустила. У меня, между прочим, переутомление! Хоть никто в такое оправдание и не поверит – совсем не вписывается в мой стиль жизни. Однако даже до меня уже дошло, что все дела могут подождать и до завтра.

Перевернулась на другой бок и снова поплотнее укуталась, но движение вызвало новую мысль, заставившую застыть. Бывший же еще должен нагряться! Он уже три дня названивает и вопрошает, когда я ему телевизор отдам. Мы с ним жили-то вместе две недели, но раздел имущества – как после золотой свадьбы. Вчера я ему и заявила, что ноженки его распрекрасные не отвалятся, если хозяин их сам соблаговолит наведаться и рученьками своими распрекрасными спорный телевизор унести. Мне, между прочим, совместно купленный телевизор и не нужен! Мне, между прочим, даже смотреть его некогда! Но тащить его на другой конец города, чтобы эту мысль доказать, я желанием не горела. Костя бурчал что-то в свойственной ему манере, но потом согласился зайти сегодня после занятий.

Открыла один глаз и нацелила его на часы. По закону подлости стоит мне только-только уснуть, как Константин-большой-любитель-отечественного-телевидения явится и разбудит.

Но выбора мне не дали: меня будто всасывало то ли в сон, то ли в очередной обморок. Я цеплялась сознанием за края реальности, но ничего не могла поделать – знала, что стоит мне только закрыть глаза, как падение станет неизбежным. И они закрывались, невзирая на колоссальную силу воли, которой у меня было в переизбытке. Как я раньше полагала.

И открылись в уже почти знакомой комнате. Исчерпывающим доказательством повторения сна служил прыщавый

подбородок, а потом и глаза подростка, который рассматривал меня.

– Получилось... – неуверенно промямлил он и у кого-то жалобно поинтересовался: – Получилось?

Другой подбородок и другие глаза. Они, встретившись с моим взглядом, расширились.

– Получилось, Изинк! Получилось!

Как я ни старалась, не могла разделить их восторга. Появилось еще одно лицо – третий подросток начал подвывать какой-то радостный гимн. Второй, самый уверенный, моргнул пару раз – видимо, чтобы закрепить зрительный результат – а потом произнес торжественно:

– Поздравляю тебя, Тайишка! Сим утром ты скончалась, но благодаря нашему вмешательству возвращена к жизни!

– Чего?! – не поняла я. Ну, а кто на моем месте бы понял?

– Поздравляю тебя, Тайишка! – глупо повторил парень. – Тебе дарован шанс, о котором мечтает каждый смертный!

– Чего?

Снова прыщавый подбородок в поле зрения:

– По-моему, она нас не узнает, Ридди... Не утратила ли она при возвращенности память или разум?

Ридди нахмурился, наклонился ниже, обдавая дыханием с душком и пощелкал перед моим носом пальцами:

– Эй! Узнаешь нас? Как меня зовут?

– Ридди, – ответила я, как если бы неожиданно оказалась на экзамене по бухучету, где любая подсказка может выве-

сти тебя в число сдавших. Но до того, как экзаменатор и его приспешники принялись хлопать радостно в ладоши, добавила: – А теперь, Ридди, верни меня туда, откуда взял!

Они вытаращились на меня втроем.

– Куды ж это вернуть-то? За грань смерти? – никак не мог понять прыщавый Изинк.

Мой обморочный кошмар явно принимал комедийный оборот. Однако с инициативой я справляться умею:

– Вот где взял, туда и верни. Скоро Костя придет телевизор забирать.

– Чего?! – кажется, этот вопрос здесь уже звучал.

– Ребята, – как можно спокойнее продолжала я. – Вы реально прикольные, но при этом какие-то немного пугающие. Давайте я назад вернусь, телевизор Косте отдам, а потом можем снова побеседовать.

Они, вместо того чтобы всерьез обдумывать мое предложение, недоуменно переглядывались.

– Тайишка не в себе...

– Безумна! Но дар речи не потеряла!

– А это значит, что со временем может и прийти в себя...

– Учитель ведь говорил, что возвращенные часто поначалу не могут понять, что происходит! А вы на себя прикиньте: вот вы лежите на земле со сломанной шеей, а вот уже живете полной жизнью. Оно так-то радостно, конечно... но не сразу.

– Нам ее учителю показывать пока не надобно, а то по темечку наступит и дипломную не засчитает. Пусть она для

начала...

Я не выдержала этой несусветной перепалки:

– Э-э! Шпана! Давайте, может, вместе решать, кто из нас в себе?

Приподняв голову и попытавшись сесть, я осеклась. Неудивительно, что меня пробирал озноб – я оказалась совершенно голой! Вскрикнула от неожиданности и спонтанно прикрылась. Комедийный оборот принимал эротическо-извращенные очертания.

Вся троица вернулась ко мне, но до моей наготы им вовсе не было дела. Они даже ладошки свои кривенькие вверх задирали и как будто пытались меня успокоить:

– Тихо, Тайишка, тихо! Тебе сейчас трудно все осознать, потому поверь на слово – мы знакомцы твои. И когда ты утрецом померла, так решили, что на тебе испытания и проведем. Ежели удастся, то хорошего человека на белый свет вернем, а ежели нет, то ты все равно утрецом померла...

– И все ведь удалось, так что сделай милость – возрадуйся уже! И нам учитель дипломную засчитает! Нам до диплома еще пять лет учиться, и потому такой прорыв не останется неоцененным!

– Всем хорошо, Тайишка, всем! Так что прекрати кукситься и возрадуйся!

Весело, но мне надоело еще в самом начале. До такой степени, что захотелось захныкать, хотя я вовсе не плаксива:

– А как мне проснуться-то, знакомцы? Я вот сейчас ка-

ак проснусь, на вас обиженная, и больше не приду для приятельской болтовни!

– О чем она, Ридди?

По всей вероятности, этот был из них самым башковитым. Или просто самоуверенным, что часто путают с умом. Он окинул взглядом меня, потом друзей и серьезно резюмировал:

– Понятия не имею.

– Может быть, мы вернули Тайишку, да не целиком? – предположил третий, имени которого я еще не слышала.

– Понятия не имею, – с той же серьезностью повторил Ридди.

В конце концов они удосужились дать мне какой-то грязный плед, чтобы завернулась в него, и кружку с кислым молоком. Я не испытывала особенного голода, да и предпочла бы перекусить чем-то более съедобным, потому отставила кружку на пол, вся сжалась для сохранения тепла и пыталась расслышать, о чем они в углу бубнят. Скорее бы Костя пришел – разбудит ведь. У него характер такой: тихо телевизор не заберет, обязательно захочет и настроение испортить. А у спящей меня настроение очень устойчивое. Приди скорее, Костенька, испорть уже мне настроение!

– Может, все-таки учителя позовем? А вдруг она взбеленится, как гака?

Все оглянулись на меня, зыркнули круглыми глазами. Вероятно, они боятся меня не меньше, чем я их.

– Как... гака? Подожди-ка, ведь в черной книге точно было о том, что некоторые люди возвращаются не людьми...

Я тут вот что подумала. Мне и холодильник не слишком-то нужен. Приходи, Костя, забирай и холодильник. Что хочешь забирай, ничего не жалко. Только разбуди.

– А если она все же ведьма? Ведьм же нельзя возвращать!

– Да не была Тайишка ведьмой! У ней волосья светлые, а не рыжие! Или погодь, может, немного рыжие?

Рыжей меня в глаза еще никто не осмеливался называть. Перемахнула одну прядь через плечо и зажала в кулаке. Да, даже при таком жутком освещении ни капли рыжины, чтобы ярлыки тут навешивать! Странно только, что волосы мне снятся длиннее, чем есть. Почти до пояса – красота! Но я бы ни за что такие патлы не отрастила, слишком много ухода требуют. В прошлом месяце под длинное каре подстригла...

– Она могла не знать, что ведьма! Нигде ж не училась, с колдунами не общалась, а они ж изредка бывают и не рыжими... А-а! Ребята, мы вернули к жизни ведьму!

– Не паникуй! – истеричным шепотом отозвался Ридди. – Рано еще паниковать!

И последнее «вать» прозвучало писком на грани слышимости. Да, истерика у всей троицы не за горами. И у меня недалеко. Сейчас вдруг вспомнился Костя. Зачем я вообще с ним расставалась, с любименьким моим? Ну и пусть зануда, ну и пусть любитель разводить бесконечные скандалы на ровном месте. Зато сейчас был бы дома – глядел бы свой

ненаглядный телевизор и нудел бы под ухом, что я разоспалась посреди бела дня. Ко-остя, Ко-о-остенька, где ты там, родной?

Наконец-то приятели мои новоявленные созрели до очередной гениальной мысли:

– А почему она молоко не пьет? Может, ей не молоко нужно?

Хором ахнули и отшатнулись к противоположной стене, как будто в моей приподнятой брови разглядели смертоносное оружие. Потом Ридди, демонстрирующий хоть какие-то признаки интеллекта, выдавил:

– Это не значит, что она гака. Пока еще не значит... Но до тех пор, пока не убедимся, учителю ее показывать нельзя – вышвырнут из академии за милу душу.

– Вышвырнут, – согласился Изинк.

И третий, имя которого я не запомнила, поддакнул:

– Как пить дать – вышвырнут. А если гака проголодается до того, как мы позовем учителя?

– Да не гака это! – рявкнул на него Ридди. – Глянь, глаза какие добрые!

Я окатила их презрением. Возможно, в плохо освещенной камерке не видно, какие именно у меня глаза добрые. Однако сомневающийся облегченно кивнул, а Ридди вздохнул:

– Товарищи, нам нужна помощь.

Да ладно! Мне уже полчаса назад стало ясно, что им нужна серьезная помощь. От присутствия пары психиатров в нашей компании я бы точно отказываться не стала. Но у Ридди на уме был другой план:

– Мой кузен учится в выпускном на мага... Если он не сможет дать совет, тогда уж пойдем сдаваться учителю.

– Это который Эльрик? – скривился прыщавый. – Да он такую цену заломит, что мы потом сами гаками станем, чтобы прокормиться.

– Эльрик, Эльрик, – сокрушенно, но уверенно добивал Ридди.

– Я против! – заверещал третий, имя которого так и канет в анналы этой комедийно-эротической истории по причине моей невнимательности. – Он у тебя... прости ради первого надгробия, просто ужасный человек!

Ридди повернулся к нему и отчеканил:

– Согласен. И готов выслушать твои предложения.

Предложений больше не нашлось, и потому меня оставили в одиночестве. Не забыв запереть дверь. Я огляделась еще раз. Стол в центре, на котором я очнулась, оказался кроватью без матраса, выдвинутой в центр. Еще две стояли около стен. Пара больших тумб и смердящие лампы на стенах. Как они тут не задыхаются? Узенькое мутное окошко под самым потолком. Восхитительный кадр для начала фильма ужасов. Что-то в моем кошмаре все жанры перемешались, а я не сторонница подобных миксов. Костян мой явно запаз-

дывает. Ну не уйдет же он, не разбудив меня? Только не это!

– Сиди ты на месте, зачем нарываешься?

Я подпрыгнула и принялась озираться, но даже в темных углах не могла разглядеть говорившую. Знакомый женский голос прозвучал совсем рядом. Но рядом никого не оказалось.

– Кто здесь?

Мне не ответили. Несмотря на все происходящее, я не была пока в состоянии признать себя безумной... или склонной к слуховым галлюцинациям.

– Эй, – позвала мягче. – Ты где?

– Здесь я, – буркнуло мне в ответ недовольно. – Не ори так.

Когда я поняла, что слова несутся из моего же рта, подпрыгнула на месте еще раз. Нет, все же диагноз о психическом состоянии можно и пересмотреть. И до того, как я поддалась панике, прямо в голове у меня раздался мой же голос:

– Тихо! Ты совсем ничего не боишься?

Теперь вот боюсь...

– Ты кто? – спросила все равно вслух.

– Это меня они оживляли... А как ты здесь оказалась – большой вопрос. Но ты не нарывайся, белыми духами леса прошу, только не нарывайся...

Она захныкала. Я же, как оказалось, еще не устала удивляться:

– Тайи-иш... как тебя там? Это ты, что ли?

– Я, – нет, она точно хныкала.

– А что же раньше молчала?

– Боялась. А когда в себя пришла, ты уже тут во всю буянила!

– Я буянила?

Она замолчала и больше не отвечала мне. Я, кстати говоря, тоже желанием общаться не горела. Это же надо, тут все время сидела и хоть бы совет какой подкинула! Боялась она. Ну да. А я здесь, получается, в самой привычной для себя обстановке буянила.

Когда из коридора раздался хохот, я поспешила снова закутаться в плед и вжаться в стену. Спаситель честной компании пребывал отчего-то в самом веселом расположении духа:

– Придурки! Кретины отмороженные! У вас на троих ни одной извилины не нашлось?

И со смехом же ввалился в каморку, остальные спешно закрыли дверь и подтолкнули его ко мне. Новенький был заметно старше предыдущих – примерно мой ровесник. Почти приятный на вид блондинчик, если бы не ситуация, уродующая сейчас любое восприятие. Своим смехом он вводил младших в краску и не стеснялся в выражениях:

– Идиоты с мозгами древнего мохряка! Тупоголовые...

Ридди, который и до сих пор демонстрировал наибольшую отвагу, перебил:

– Кузен! Ты взял с нас тридцать процентов нашей стипен-

дии до конца года для того, чтобы нас оскорблять?

– Тридцать? – тот в ответ расхохотался еще веселее. – Уже пятьдесят!

– Что?

– Я говорю советы, а вы слушайте и в уме подсчитывайте. Трупы для дипломной работы некроманта берут из утвержденного списка! Проверяют, чтоб до седьмого колена ведьминской крови не было и иных подозрений на связь с духами, чтобы исключить возвращения не-человеком. Подписи родни собирают... И скажу я вам, далеко не всегда наследники подписываются под желанием воскресить так вовремя почившего богатого дядюшку...

– Эльрик, ты можешь короче? Что нам делать?

– Что вам делать, идиоты? Так не перебивайте, внимайте мне. За воскрешение трупа вне утвержденного списка вас вышвырнут из академии, а ее тихонько придушат. За воровство трупа – штраф. Такой, что еще ваши правнуки вас недобрым словом будут поминать. А если она гакой обратится да кого-нибудь сожрет, то вас самих в лучшем случае придушат. Слышите в моих словах про пятьдесят процентов?

Побледневший Ридди кивнул за всю троицу:

– З-за м-молчание?

– За молчание, за мычание... – Эльрик не дождавшись полного согласия, шагнул ко мне и присел на корточки, внимательно разглядывая. – Она человеческой речью владеет?

– Еще как владеет! – будто обрадовался один из пригово-

ренных.

Эльрик наклонился ко мне сильнее:

– Рожа у нее знакомая...

– Так ведь это Тайишка! Служанка седьмой принцессы. Хорошая девушка, тихая... да и сирота. Вот мы и решили, что всем только в радость будет, если мы ее вот так неожиданно вернем...

– Что-то не вижу я ее радости, – Эльрик хоть смеяться перестал, но улыбался так же широко. – Ладно. Ты помнишь свое имя?

Внутри меня молчало, потому пришлось отвечать мне:

– Оля.

Он удивился, но обернулся к остальным:

– Новость первая: она не гака.

– П-почему?

– Потому что сейчас она обгладывала бы ваши косточки, а не несла эту чушь. Вы ведь даже руки ей не связали, кретины! – он снова повернулся ко мне. – А поподробнее о себе можешь?

Это я могу. Почему бы и не поговорить, когда тебя насильно куда-то притащили и заперли? Да и голос мой был твердым:

– Соколова Ольга Сергеевна, ваш благородие. Живу в Москве, студентка третьего курса международно-финансового, профорг факультета, уроженка Томска...

– Чего уроженка?

– Томска, ваш благородие, Томска. Того, который в Томской области. Номер паспорта надо? Кем и когда выдан...

К счастью, его глаза теперь тоже округлились, и это приносило заметное моральное удовлетворение. Он даже со своими подопечными говорил без прежней иронии:

– Совершенно точно не гака... И не ведьма. Как ты сказала, тебя зовут?

– Оля. Но ты можешь звать меня Соколова Ольга Сергеевна.

– Ребят... – он теперь не отрывал от меня взгляда. – Я ошибся. Вы не просто идиоты... я даже сравнение не могу подобрать, соответствующее вашему умственному развитию... А у меня богатый словарный запас, уж поверьте...

– Что происходит, Эльрик? – завизжало за его спиной.

– Вы не ту вернули. Не вашу Тайишку...

– А кого? – ничего не понимали главные ничего не понимающие в комнате. – Асура? Ёки? Другого демона?

Эльрик показательно тяжело вздохнул:

– Да вы точно идиоты... Это же вообще другие штампы демонизма. Асурами не становятся, асурами рождаются. А это... просто чужестранка из какой-то Омской Территории...

– Томской! – я не могла промолчать. – Области! А Омская область находится рядом!

– Слыхали? – он снова смеялся. – Рядом находится, а мы и не знали! В общем, она скорее всего тоже сегодня помер-

ла, да вы ее случайно заклинанием и зацепили, вместо своей Тайишки.

Я хотела поправить «вместе со своей Тайишкой», но осеклась. И голос внутри меня предостерегающе зашипел. Да и в самом деле, откуда же мне знать, от какой информации нам обоим станет хуже? Но против другого я возражала точно:

– Я не померла! Они сами меня сюда... всосали.

Он снова заинтересованно глянул на меня, а потом будто поймал новую мысль:

– Ребят, а зеркало у вас есть? Тащите зеркало!

Ему тут же притаранили небольшой кусок темноватого отражающего стекла, позволив Эльрику направить его на меня.

– Смотри-ка, чужестранка, это теперь ты.

Хоть изображение и оставляло желать лучшего, но я с удивлением вглядывалась все пристальнее. Так это и была я. Всегдашняя я. Немного потрепанная, сильно лохматая, глаза подозрительно опухшие, но дайте мне полчаса в душе и привычный арсенал косметики – и я снова стану собой. Только волосы длиннее. Где-то на уровне интуиции по затылку било осознание – вот тут и есть разгадка. Тайишка эта как две капли воды похожа на меня! И, быть может, именно потому меня в нее и всосало. Но эти рассуждения имели бы смысл только в том случае, если все происходящее реально, а не затянувшийся кошмар...

Эльрик смеялся над моим удивлением – видимо, полагал, что я так новому образу изумляюсь. На фоне стен мерцали

трясущиеся неудачники. А я все смотрела и смотрела, пытаясь собрать хоть какую-то мысль воедино. Но зеркало от моего лица убрали, после чего Эльрик бодро подскочил на ноги:

– Все, моя миссия на этом закончена. Счастливо оставаться, молодежь, в ваших неприятностях.

В него сразу вцепились три пары рук, не позволяя уйти.

– Подожди! Эльрик! Любимый кузен! Что нам делать?

Он через плечо еще раз глянул на меня, потом уставился на Ридди:

– А что тут делать? Убейте, расчлените и по кускам в лес вынесите. Если повезет, то ее сожрут волки или гаки. На том ваше приключение можно будет считать оконченным. А я молчу, пока вы мне платите по пятьдесят процентов от стипендии.

Теперь они втроем пялились на меня, но и Эльрика из рук не выпускали.

– Как же убить?.. – мямлил прыщавый. – Это же Тайишка!

– Это не Тайишка, придурок, – Эльрик, кажется, начал раздражаться. – А если так сильно нравится, то очень тихо развлекитесь с ней, потом убейте, расчлените и по кускам...

– Помоги! – Ридди вдруг обхватил родственника поперек туловища и уткнулся носом тому в живот. – Помоги, благодетель!

– Самому, что ль, убить? – не понял Эльрик, пытаясь стряхнуть с себя неприятную ношу.

– Сам убей! – Ридди после короткой паузы заговорил настолько уверенно, что даже его друзья опешили. А уж я и подавно. Ишь какие молодцы! Сами оживили, а убивать какого-то левака пригласили? – Или что хочешь с ней делай! Только уведи и нас спаси.

Эльрик долго думал, поглядывая на меня, шурился и почесывал светлый затылок. Потом выдал:

– Ладно. Сам убью. Пусть до ночи у вас посидит, потом я ее заберу. Но тогда семьдесят процентов вашей стипендии до конца обучения! И не развлекаться с ней.

– А почему же тогда не развлекаться? – я так и не поняла, прыщавый уже настроился или тоже уловил какую-то несостыковку.

– И не задавать вопросов! – отрезал Эльрик. – Идет? Как будто у шалопаев был хоть какой-то выбор.

Через пару часов я научилась отчетливо произносить слова мысленно. Особенно когда надоело слушать нытье моей подселенки:

– Меня убьют! Этот жуткий тип меня убьет!

– Милая моя, ты уже померла. Неужели новости не слышала?

– И что с того? Думаешь, что два раза намного приятнее, чем один?

– Да я вообще ничего не думаю... Все жду и жду, когда

проснусь.

– Куда проснешься?

– Домой.

Помолчали. Попытались друг друга понять. Соседка даже поддержку оказывала:

– Твой этот... Костя... он уже разбудил бы тебя, если б мог... Ты, Оль, вряд ли теперь домой вернешься. Видала же, ты моя точная копия. Родственная душа из другого мира, не иначе... Они меня призывали-призывали, и тебя заодно призывали.

– Это ты моя точная копия, а не я твоя. И то как-то стыдно, что моя копия такой мямлей уродилась. Хоть бы слово от себя сказала! Да как так можно? Они тут, между прочим, твое тельце обсуждали – то ли гулям своим выкинуть, то ли сначала по кругу пустить, а ты молчишь, как партизан.

– Как кто?

– Забудь. Сравнение с партизаном было неуместно. Любой партизан на меня в суд мог бы подать за такое обидное сравнение.

Она, похоже, обиделась. Я будто бы чувствовала, как она насупилась и отвернулась. Хотя, если не ошибаюсь, то до сих пор любым нашим движением управляла именно я. Вот, шевелю пальцами, вот, вытягиваю связанные ноги. Клинические кретины запоздало так перепугались, что и все конечности мне перетянули. Возможно, подселенка еще в своем теле не адаптировалась, или я сразу перехватила бразды правле-

ния – неудивительно, если нашу с ней силу воли сравнить.

От скуки стало немного неловко. В конце концов девица ведь тоже не виновата, что со мной в этот кошмарный обморок вляпалась. И потому я попыталась быть вежливой:

– Ты это, Танюх, не злись. Давай с тобой жить дружно... ну, пока еще живем.

– Давай, – она словно шмыгнула несуществующим носом. – И ведь права ты в чем-то... я всегда слишком тихая была. А ты вон, боевая! Жалко, что до утра не доживешь.

– Это мне тебя жаль. Я-то после нашей с тобой смерти наверняка домой вернусь. Там меня мое тело дожидается. И телевизор.

– Не думаю... Разве сознание не умирает вместе с телом? Его опосля воскресить можно, но вначале оно умирает!

– Много ты знаешь о некромантии!

Она фыркнула:

– Зато кое-что знаю о смерти, – потом добавила примирительно: – Я не могу быть уверенной, Оль, но есть вероятность, что жить нам с тобой теперь вместе. И очень недолго.

В мыслях наступил такой раздрай, что в висках заломило. Но я всеми силами пыталась не впадать в истерику.

– Тогда придется выживать, Танюх. И ты со мной. Потом вернемся и приедем этих отмороzków! Оторвем им все, что бы нечем больше было некромантить!

Она как будто хихикнула, но потом рассуждать принялась:

– Зря ты так. Если тебя и сможет кто домой вернуть, то только некромант. Настоящий, опытный. А не вот это вот... они ж ученики просто. И похоже, не самые прилежные.

– Ну все, план утвержден. Выживаем, потом ловим первого попавшегося опытного некроманта и заставляем его нас расселять. Хотя судя по предыдущему опыту, очнуться мы можем в какой-нибудь свинье или табуретке... Эдакая неудачная реинкарнация.

– Зря ты так! – повторила подселенка. – Некроманты хорошими бывают. И очень сильными, – я не могла ни опровергнуть, ни согласиться, потому слушала дальше. – Меня в детстве некромант спас! Я сейчас тебе расскажу... все равно до нашей гибели делать нечего. Мне года два было, и заболела я сладкой болезнью. Это такая напасть – неизвестно откуда появляется и лекарствам не поддается. От нее сначала в туалет часто бегают, потом сильно худеют. Человек ест, ест, а все равно худеет. Если у старика случится, то он и годами так жить может, а когда у ребенка или молодого – все, пиши пропало. Ничего не поможет.

– Ты сейчас диабет описала. Первого типа. И лечится он инсулином.

– Магией он лечится! Но на ведьму такого уровня у маманьки денег не было. Она мне уже и рубашку сшила, в которой хоронить, и ревела, ревела... И тут в нашу деревню некромант столичный пожаловал. Сам в дом постучал, ночлега попросил. Матери к тому моменту было все равно, а он

ей и говорит, что может меня излечить. И гляди-ка, излечил. Я уже через пару дней с соседской ребятней скакала. Мать в ноги ему кланялась, все барахло из дома собрала... ну, хоть чем-то заплатить. А он не взял ничего и заявил, что я сама в будущем ему долг верну. Вот такой добрый человек!

– Танюх, у тебя приоритеты сбиты. Он тебя в должницы записал, герой дня без галстука.

– Не надо так, Оля! Ведь с того дня ни о каких долгах и речи не шло. Жила я своей жизнью преспокойно... а два года назад маманька померла. Я тогда собрала пожитки да в столицу пошла. Устроилась в услужение, чтоб с голоду не помереть. Хорошая у меня барыня была, она меня потом во дворец и пристроила. В прошлом месяце я стала прислуживать седьмой принцессе...

Поскольку молчунья моя, которая оказалась очень даже говорливой, вдруг замолчала, я подтолкнула продолжать:

– Принцесса, как я понимаю, уже хорошей не была?

– Да как сказать, – Тайишка тяжело вздохнула. – Не очень умная восьмилетка... избалованная малость. Ее в академию пристроили – может, хоть чему-то здесь научат. Тут иногда детей принимают, если есть подозрение на таланты к колдовству или некромантии. А в принцессе магия вряд ли есть, но взяли, поскольку высокородная особа. И уж больно родственники хотели от нее отдохнуть.

– По блату, значит.

– По блату, – вздохнула Тайишка. – И вздумалось енттой

блатной принцессе меня на лошади научить кататься. Как будто оно мне понадобится. А у нас коня никогда дома не было, и у соседей... бедно жили. В общем, я наверх-то залезла, а когда лошадка понеслась, я кувырнулась через ее голову, да в землю и воткнулась. В принципе, это и есть моя краткая история до сего момента.

– Слушай, Танюх, – запоздало удивилась я. – А почему мы с тобой на одном языке думаем? И ты мои слова без объяснений понимаешь!

– Так мы ведь не словами думаем... образами... А может, и словами. Но голова-то моя, мои слова и используем.

Очередной глубоко философский вопрос. Могу ли я, получив чужие нейронные сети, мгновенно перенять и чужой язык? Да ну его, вопрос этот. Точно далеко не самый важный.

Глава 2

Я все же задремала. Хоть проспала полдня и никак не хотела пробуждаться, но все равно чувствовала себя в достаточной степени уставшей, чтобы вздремнуть прямо во сне. Тайишка тоже помалкивала, создавая такую необходимую тишину в голове. Я прижалась к холодной стене, завернулась в грязный плед и закрыла глаза.

И почти сразу расслышала голоса:

– А вы не можете ее этими штуками... Ну, я в сериале «Скорая помощь» видел! Током ее – ты-дыщ – и она очнется!

– Вышвырните этого дебила из машины! Кто его вообще сюда пустил?!

– Я сам...

Зрение возвращалось не сразу. Сквозь белесую пелену я видела силуэты каких-то людей, слышала прямо рядом с ухом раздражающее пиликанье, ощущала тряску. Кое-как повернула голову и разглядела сидящего в углу «Газели» Костю: глаза навывкате, цвет лица зеленоватый – ни разу в жизни его в подобном состоянии не заставала.

– Игорь Владимирович! – женский голос справа. – Смотрите!

Надо мной тут же наклонился пожилой мужчина, пришлось повернуться к нему. Ни тени радости – только полная

сосредоточенность:

– Как там давление, Свет?

– Сто на семьдесят.

– Пульс, сердцебиение?

– Все в норме, Игорь Владимирович!

– Сколько еще ехать?

– Минут десять, – и куда-то в сторону, громче: – Сашуль, поднажми! Пациентка наша очнулась, представляешь?

– Ох, Светка, нечасто в этой машине такие отличные новости звучат!

Мужчина наклонился ниже и нахмурился еще сильнее. Выставил перед моим носом ладонь:

– Сколько пальцев видишь? Что помнишь? Наркотики принимала?

– Два, – ответила я уверенно. – Не принимала.

– Тихо, тихо, дочка, – его обращение, вопреки внешней сосредоточенности, на самом деле успокаивало. – Не кричи, не дергайся. Не вздумай пытаться встать.

– Я упала в обморок? – промямлила, но при этом ощущала такую радость, что готова была танцевать. И ведь чуть было не поверила, что оказалась в каком-то артхаусном мире! Вот ведь!

– Не обморок, дочка, кома. Природу пока не выяснили, все показатели в норме. Ничего, сейчас в реанимации полную диагностику сделают, но ты не дергайся – возможен рецидив. А теперь давай про наркотики честно, сэкономь нам

время.

– Не было никаких наркотиков... – я посмотрела на улыбчивую девушку справа, будто призывала ее в свидетели. – Даже алкоголя не было. Я просто уснула.

– Очень, очень плохо... – врач недовольно качал головой. – Мы на всякий случай проверим, конечно, но лучше бы ты врала.

– Лучше бы я была под кайфом? – не поняла я.

– Да. Тогда была бы ясна причина. А то у меня все варианты закончились. Три часа, дочка, три часа в коме, пока твой хахаль догадался позвонить в скорую. Ты гипоксией не страдала? Головокружение есть? Руки немеют?

Он задал еще несколько вопросов, на которые я с удовольствием отвечала. Какое это оказывается наслаждение – ехать в реанимацию в компании таких отличных людей в белом. Все, как говорится, познается в сравнении. Я и Косте рукой помахала – в моей благодарности не было ни капли фальши: парень все же спас меня, как я и рассчитывала. Пусть даже три часа раздумывал. А то неизвестно, сколько бы я еще в этой самой коме отлеживалась.

Я даже попыталась приподнять голову, чтобы улыбнуться всем в полную силу, но не улыбчивый Игорь Владимирович тут же нажал мне на плечо:

– Лежи смирно, дочка. Или обратно хочешь? Береги силы.

Обратно я уж точно не хотела. Потому смирилась и даже глаза немного прикрыла, чтобы продемонстрировать послу-

шание. И тут же вздрогнула от голоса в голове:

– Это некроманты в твоём мире? Какие интересные!

Тайишка?! Это было слишком. Для любой психики есть точка «слишком». Вот до нее еще можно терпеть и храбриться, но после – уже все, аллес капут. Истерика копится, зревает и только ждет момента прорыва. Так и я, как любой другой человек, после этой точки уже ничего с собой не могла поделать. Заорала в полную глотку, попыталась вскочить.

Врач ухватил меня за плечи и прижал к лежанке. Медсестра закричала:

– Что с ней? Игорь Владимирович, что про...

– Шок какой-то, – его голос даже не дрогнул. – Держи крепче, Светлан.

После этого меня резко развернули на бок и всадили иглу в попу. Я при этом продолжала орать и дергаться, захлебываясь слезами. Но буквально через минуту силы начали отступать, как если бы я до смерти устала. И снова серьезное лицо с глубокими складками на переносице:

– Ты как, дочка? Ты уж крепись давай. Все выясним, причину найдем... Сколько там еще ехать, Саш?

И снова на душе легко. Даже Тайишка позабылась. Правда, слова выходили трудно:

– П... почему... мне стало так по барабану?

– Седатив тебе поставил. Не волнуйся. Ты, самое главное, не волнуйся... Ты в надежных руках, дочка, только сама себе

не навреди.

Я не засыпала. Но сознание успокоилось настолько, что еще через несколько минут я мысленно могла спросить:

– Танюх, ты тут?

– Тут, тут... – ответило мне внутри.

– А зачем ты тут?

– Мне-то почему знать? Твои некроманты и меня, видать, захватили...

Я не сдержала усталого стога и просто отдалась на волю течения. Возможно, моя психика вовсе не в порядке. Или тот, другой мир был какой-то стороной реальности, в котором я ненадолго застряла. А теперь мое и Танюхино сознание слиплись так, что мы и в нормальной реальности вместе.

Меня на каталке перевезли в реанимацию. Снова анализы и вопросы, потом подключили капельницу. Игорь Владимирович, заполнив документы, зашел ко мне в палату. Обернулся и крикнул в открытую дверь:

– Дим, зайди сюда. Переговорим, пока я не уехал.

– Вы куда это собрались? – жалобно простонала я, почувствовав в этом человеке своего главного спасителя.

– Так на смену. Ты, дочка, не волнуйся только. Реаниматолог тут отличный, не смотри, что молодой!

– А можно мне с вами?

Он наконец-то добродушно улыбнулся, а то я уж начала переживать, что у него губы не способны растягиваться. За его спиной показался другой мужчина. Тот, даже не взглянув на меня, сразу выхватил у Игоря Владимировича бумаги и устался в них. И тут Тайишка внутри меня снова подала голос, зашептав истерично:

– Это он, Оля, он!

– Кто он? – буркнула я, хоть и молча.

– Мой некромант! Тот самый, который меня в детстве излечил!

Я перевела взгляд на нового врача. Мне было плохо видно, но уже по профилю можно было отметить с уверенностью – хорош. Лет тридцать или чуть меньше, синяя шапочка прикрывает волосы, только край темной пряди сзади виден. И профиль просто замечательный, насколько я могла судить со своего ракурса – с такими носами только реаниматологами и работать, чтоб пациентам сразу жить захотелось. Но Танюхе я заметила недоверчиво:

– Тебе ж два года было, как ты рассказывала... Не могла ты его лица запомнить.

– Ты лучше посмотри, Оль! Такое лицо вовек не забудешь!

Второй врач шагнул ко мне, двумя пальцами отодвинул мне веко, пригляделся и равнодушно кивнул. Потом начал Игоря Владимировича расспрашивать, используя термины, которые я на русский язык перевести бы не смогла. А я мол-

чала, игнорируя мурашки. И глаза темные! Настолько темно-карие, что почти черные. Ух! Возможно, Тайишка и не преувеличивает. Красивый, что уж говорить. Не был бы таким серьезным, я бы прямо вслух ухать начала.

Он присел на стул рядом только после того, как мой спаситель махнул на прощание рукой и ушел.

– Ну, Ольга, давайте знакомиться. Дмитрий Александрович. Можете не запоминать. Если все будет хорошо, то через пару деньков мы с вами навсегда попрощаемся. Вы как, настроены на выздоровление?

– Очень даже! – я улыбнулась ему искренне.

– Это хорошо. Настрой – самое главное. К сожалению, причину вашего состояния мы пока не выяснили. Часть анализов будет готова к утру – может, тогда ситуация прояснится. Если исключим самое страшное...

– А что самое страшное?

– Давайте вернемся к этому разговору завтра, Ольга. Возможно, у вас обычное переутомление, а не какая-нибудь лейкемия.

– Что?!

– Я шучу. Наверное. Отдыхайте.

Он встал и направился к двери.

– Дмитрий Александрович! – дождалась, пока обернется. – У вас слишком спорный юморок!

Мне показалось, что он улыбнулся – одними глазами. И все равно вышел за дверь.

Вокруг все тихо пиликало, а дальше стояло несколько пустых кроватей. На самой дальней лежала женщина – похоже, без сознания. И вокруг нее тоже все пиликало. Тайишка еще какое-то время раздражала своими восторгами, но потом и она заткнулась, позволив мне наконец-то спокойно уснуть.

– Померла ваша гака! Снова! – и раздражающий смех.

– И к добру, что сама померла. От тела избавимся и сделаем вид, что ничего не было.

– За семьдесят процентов стипендии!

– Да ты совсем обнаглел, кузен!

– Ребят, а ежели она снова померла, то отчего на нас тащится?..

Я все же вскрикнула, окидывая взглядом знакомую неприятную компанию. Теперь на мне была натянута огромная рубаха – все уютнее, хоть и едва бедра прикрывает. И на ногах появились тряпичные боты. Сразу видно, что к приключениям принаряжали, а я не вовремя отключилась. Симпатичный блондинчик перестал смеяться и подошел ко мне. Вздохнул и признал:

– Опаньки, опять живая. Ладно, уговор есть уговор. Если она сама помирать не желает, то я дело закончу. Мешок дайте, на голову ей накину. И идите в коридор – следите, чтоб никого по пути не встретилось.

На этот раз мне хватило всего пары минут, чтобы перестроиться на правила этой игры.

– Ха! – подумала я. – Сейчас он только меня в коридор

выведет, как заору в полную глотку. Посмотрим потом, кому диплом некроманта, а кому волшебного пенделя из академии.

– Не вздумай! – заверещала внутри меня Тайишка. – Нас убьют же! Потому что мы не в этом их утвержденном списке!

– Ты совсем дура, да? Он нас затем и уводит, чтобы в лесу тихо прикончить.

– Авось с ним наедине и договоримся... – она снова захныкала.

– Дура!

– Но он же не просто так потребовал, чтобы нас охальники не трогали! Не просто так!

Бедняжка придумывала любой подтекст, лишь бы можно было продолжать надеяться. Я пожала плечами. А вдруг права? Блондинчик этот производил впечатление пройдохи: приятелям сказал, что прибьет, а сам меня... куда, интересно? И не будет ли для меня же лучше, чтоб меня убили? Пока же толкали куда-то, нацепив пыльный мешок на голову. Я продолжала внутренний диалог:

– Так и пусть убьют. Я тогда сразу домой вернусь. В реанимацию.

– А если не вернешься?

– А если вернусь?

– А если я с тобой вернусь?

Аргумент. Вот над ним пришлось тщательно поразмыслить.

– И все лучше, чем просто умереть...

– Лучше вообще не умирать!

Похоже, что мы к согласию в этом вопросе прийти не способны. Конечно, Тайишка мне в моей реальности не особенно нужна. Но откуда же знать, что произойдет со мной, любимой, после того, как ее убьют окончательно?

Шепотки вокруг прекратились, сейчас меня толкали уже не по помещению. Эльрик, похоже, оставил неудачников позади и вел меня дальше. Я начала спотыкаться, но он уверенно поддерживал за локоть, не позволяя упасть. Кажется, мы плелись уже по лесу – все дальше и дальше от возможной помощи. И это вызывало панику.

– Эльрик! – позвала я. – Ты меня убьешь или сначала изнасилуешь?

Он в ответ лишь хохотнул. Хороший ответ, исчерпывающий. Даже Тайишка перестала возражать.

– Эльрик, а может, договоримся? – снова попыталась я.

– Не шуми ты, – он ответил спокойным голосом. – Не собираюсь я тебя убивать. Есть несколько вариантов, если ты сама неприятности не навлечешь.

– Вариантов? – меня почему-то насторожил такой ответ. – Каких именно? А то я еще и подумаю, умирать мне или нет.

Он снова хохотнул. Потом все же соизволил объясниться:

– Продать тебя куда-нибудь. Пока живая и красивая. И чеши потом своему новому хозяину про Омскую Территорию...

– Томскую! Область! – я не могла сдержаться. – В рабство, что ли?

– Ну, это как повезет... В рабство – это для тебя было бы самое лучшее. Чисти себе котлы, полы мети, хозяина ублажай – все то же самое, что ты делала до своей смерти и делала бы дальше.

– Я не ублажала! – воскликнула, но тут же осеклась. Откуда же мне знать, как тут Тайишка без моего присмотра долгие зимние ночи коротала? Но та подтвердила – мол, «не ублажала».

Он наконец-то остановился, развернул меня, а потом стянул с лица мешок. Руки мои были связаны за спиной – да так туго, что уже ныли. Вокруг на самом деле был лес. Хоть и очень темно, видов растительности не разобрать, но лес он и в Африке лес. И в этом тухлом месте – лес. Эльрик наклонился ко мне, чтобы хоть что-то в выражении лица разглядеть:

– А ты, случаем, не девственна? Вышло бы кстати.

Я услышала в голове ответ Тайишки: «Конечно, девственна! Что за омерзительные предположения о приличной девушке?». Я ей ответила другое: «Костю моего помнишь? Так я и до знакомства с ним уже девственна не была». Тайишка нервно ойкнула и заткнулась. Мне же опять пришлось вырывать за нас обеих:

– Что зависит от моего ответа? Ты и этим полоумным же приказал меня не трогать!

Эльрик кивнул.

– Есть одно местечко. Некромант, очень старый и уважаемый, я у него на подработках... так вот он распорядился, чтобы я к нему всех оживленных девственниц тащил. Наверное, ему просто девица нужна... на службе.

– Очень интересно. Прямо очень. Особенно интересно, что за служба у твоего старикана такая, что ему именно девственница требуется?

– Мне-то почему знать? Может, для опытов каких. Тебе-то что уже терять? А так и мне заработок, и тебе приятная жизнь... на службе.

Если бы я могла развести руками, то так бы и сделала.

– Так заманчиво звучит! Про опыты особенно!

Эльрик сарказма не понял, и потому обрадовался:

– Ну, так и славно дело решилось! Ежели ты ему понравишься, то все при своих пирогах останутся.

Тайишка внутри меня попискивала, я так и не разобрала: то ли ей понравился вариант, то ли она не знала значения слова «опыты». Я же вознамерилась остаться при своих пирогах, как и было предложено. Это кто ж молодой девице руки связывает, а ноги нет? С размаха пнула утырка между ног, а когда он со стоном пополам сложился, то добавила той же ногой в лицо. Эльрик опрокинулся навзничь, а я, пользуясь моментом, рванула в темные заросли.

– Гаки сожрут, дура! – хрипел он мне вслед.

Но я бежала и бежала. Игнорируя и его предупреждение,

и визг Тайишки. Вот пусть она, когда нас расселят, на опыты и сдается. А я преспокойно помру здесь и поживу без опытов в милой моему сердцу реанимации.

К счастью, я всегда была активной – и в спорте в том числе. До олимпийской сборной пусть и недотягивала, но тем не менее оторваться от неподготовленного преследователя сумела. Остановилась, только когда легкие начали невыносимо гореть. Прижалась спиной к дереву и сползла вниз на землю. Ссадины, на которые я при побеге внимания не обращала, теперь ощущались по полной программе. Счастье, хоть глаза целы, если учесть, что я прорывалась со связанными руками по ночному лесу, едва-едва освещаемому луной.

Тайишка внутри почему-то рыдала. Перепугалась, наверное, глупая.

– Ты не плачь, Танюх! – успокаивала я. – Вроде бы ушли! Если у нашего приятеля нет собачьего нюха, то вряд ли найдет.

– Я не потому плачу, – ныла она. – Нас теперь гаки сожрут – никто и не узнает.

– Погоди-ка, – не поняла я. – Ты к старикану на опыты, что ли, хотела, девственница моя неразумная?

– А чего ж не хотеть? Помереть всегда успеется. А некроманты очень добрыми бывают...

Я не заорала только потому, что боялась привлечь внимание многократно упомянутых гак. Существ этих я пока себе

и представить не могла, но если они хоть чуть менее приятны, чем остальные существа в этом мире, то я предпочту отложить знакомство. А Тайишка все ныла и ныла:

– А теперича что? Ежели до утра дотянем, то куды потом? В срамной рубахе в столицу явимся? Да я лучше туточки помру, чем такой стыд пережить.

– Вот и помри.

– Вот и помру!

– Помри!

– Ой, вспомнила! У меня ж хозяйка есть... А если мы к ней придем, все честь по чести объясним? Оль!

– Это та самая дура набитая, что тебя на лошадь усадила?

– Ну да!

– Я не знаю, что тебе на это ответить.

– Так пошли к ней!

– У тебя какая-то особенная форма дебилизма, Танюх? Она тебя меньше суток назад угрохала! А мы сейчас явимся такие: «Здрасьте, мадам! Мы настолько невменяемы, что даже после смерти явились служить вашей дурости! Не, а вы чего сразу в обморок-то?»

– Что же делать, Оль? – та принялась рыдать еще усерднее.

– Выживать, Танюх. Как только с этим справимся, то начнем искать способ меня отправить домой, а тебя при этом не убить.

– Так это нам к некроманту и надо! – снова оживилась она.

– Я сказала – сначала выживать. У тебя со слухом плохо?

Она не ответила, тоже уловив в стороне шорохи. Где-то очень далеко захрустели ветки, и звук приближался. Я вскочила на ноги, надеясь, что это просто Эльрик нас отыскал – с ним я попытаюсь справиться опять. Но Тайишка убивала надежду на корню:

– Гака! Точно говорю тебе – гака!

– Что еще за гака? – я созрела, чтобы задать этот давно животрепещущий вопрос.

– Вечно голодный дух! Очень быстрый и очень сильный. Против гаки только с огнеметом устоять можно. Она сожрет нас, Оль...

Здорово. А у меня еще и руки за спиной связаны. Может, попытаться сбежать? Определение «очень быстрая», правда, смущало. И точно. Звук нарастал вихрем – еще несколько секунд назад звучавший издалека, он теперь слышался совсем рядом. Как разгоняющийся сквозь заросли самолет, в самом деле. И еще через мгновение я увидела...

Тварь затормозила в трех шагах от меня и улыбнулась. Она действительно улыбалась самой настоящей человеческой улыбкой! И ничего, что передвигается на четвереньках, какими-то резкими прыжками. И ничего, что на ее теле нет одежды. Гака была человеком! Изуродованным жуткой гримасой, совершенно лысым, но человеком! Это зрелище оказалось самым страшным из того, что я успела повидать. Чудовище должно оставаться чудовищем! И уж точно не должно улыбаться...

Когда тварь начала медленно передвигаться вперед, я не выдержала. Сорвалась с места в сторону, даже не думая о том, что убежать не смогу. Возможно, наоборот – только спровоцирую в ней азарт. Но и оставаться на месте я не могла. Расслышала за спиной леденящий душу гогот. Заметив впереди огонь, рванула туда. Перепрыгнула через голубое сияние, остановилась и заозиралась в поисках людей. Облегченно выдохнула, когда увидела Эльрика. Он не выглядел ни испуганным, ни запыхавшимся. Даже руки на груди сложил, чтобы дополнить самоуверенный образ. Оглянулась – гака, натолкнувшись на светящуюся полосу, обреченно заныла. Принюхалась. Потом поползла вдоль. Эльрик вскинул руку и повел ее по воздуху – как если бы пальцами рисовал – и полоса голубого огня потянулась дальше. Он приблизился ко мне и замкнул окружность. Судя по тому, что гака перестала улыбаться и теперь нервно подпрыгивала, преодолеть эту преграду ей было не под силу.

– Как ты меня нашел? – я задыхалась.

– Я на мага учусь, выпускной класс. Считаю, что тебе очень повезло с этим.

Хватило лишь одного взгляда на тварь, чтобы желание съязвить пропало. И ведь я не боялась смерти – наоборот, даже рассчитывала, что этим и выпутаюсь из неприятностей. Но когда смерть – да еще и с человеческой улыбочкой – совсем рядом ходит, то думать о преимуществах гибели не получается. Да и не слишком хочется быть... сожранной. Это

уж совсем неправильная смерть.

– Ты можешь ее убить, Эльрик?

Он тоже оглянулся на тварь, пожал плечами.

– Ранить точно смогу. Она этого огня сильно боится. Но пока орать будет, другие сбегутся.

– И что нам тогда делать?

– Ничего. Спокойно спим до утра. Она или вовсе уйдет, или при свете дня станет слабее – тогда я с ней уж легко справлюсь. И потом мы идем к некроманту.

– Нет!

– А-а... Ну, тогда я утречком уйду, а тебя туточки оставляю. Ты со слабой гакой справишься?

Меня обуревала злость:

– Развяжи мне руки!

– И что, думаешь, это поможет? – он снова смеялся. Да что он за человек такой – что бы ни случилось, постоянно хохочет?

Я не стала на этот раз приглядываться к оскаленным зубам твари:

– Руки развяжи, потому что мне больно. И застой крови может случиться. Ты меня своему некроманту с ампутированными кистями поведешь?

Он недоверчиво нахмурился:

– То есть ты согласна?

– То есть ты не оставил мне выбора.

Эльрик удовлетворенно кивнул, вытащил из сапога ма-

ленькое лезвие и разрезал веревки. Растирая онемевшие запястья, я уселась на землю:

– И что теперь?

– Спи теперь, чужестранка. Спи. Гака в круг не пройдет, а огонь не даст замерзнуть.

Сам тут же улегся на землю, подоткнул руку под голову и уже через пару минут засопел. Я попыталась не обращать внимания на подвывающую всего в двух шагах тварь и тоже легла. Холодно и неудобно, но до смерти тут вряд ли обмерзнешь. Прикрыла глаза. Тайишка словно только что появилась – до сих пор сидела бесшумно:

– Спасибо, Оль! Ну, что спасла нас обеих... Некромант поможет! А если он злым окажется, тогда уж с чистой совестью и помрем.

– Ты спятила? Я этому гаденышу лапшу на уши вешала. Он нас отсюда вытащит, потом снова сбежим.

– Это ты спятила!

– Заткнись! Знаешь, Танюх, для той мямли, которой ты являешься, ты слишком много говоришь!

– Я просто жить хочу... – проблеяла моя подселенка и снова захныкала.

Я в ответ лишь зубами скрипнула. Это же надо быть настолько... никакой! Не могли меня переселить в какую-нибудь грозную воительницу? Я бы все равно самой собой оставалась, но хоть было бы не так стыдно называть ее напарницей.

Стоило мне только уснуть, как я открыла глаза. Тихое пиликанье вокруг, из коридора приглушенные голоса. Прекраснейшая, самая милая моей душе реанимация! Но визжать от радости на этот раз не хотелось. Однако не удержалась и помахала рукой заглянувшей медсестре. Она тут же исчезла и через минуту вернулась с Дмитрием Александровичем. Он, как и в первый раз, сначала посмотрел на все пиликающие мониторы, а уже после на мое лицо. Говорил еще серьезнее, чем раньше:

– Плохие новости, Ольга. Опять кома, и никаких изменений в показателях. Больше трех часов. А я до сих пор не знаю причину. Похоже, вам придется задержаться в моей компании.

Я улыбнулась ему – широко и искренне. Он, по всей вероятности, опешил и сел на стул рядом. Немного наклонился:

– Ольга, ты должна кое-что понять, – реаниматолог неожиданно перешел на ты. – Утром мы соберем консилиум и обязательно найдем причину. Но я уже успел обсудить твой случай с несколькими коллегами – и ровным счетом никто не понимает, что с тобой происходит.

– И что в этом плохого, Дмитрий Александрович?

Он вздохнул:

– Знаешь, есть такое понятие – врачебная интуиция. Она у меня вопит, что с тобой все в порядке. Я вот смотрю на тебя и не могу себя убедить, что ты нездорова. Настолько цвету-

щих лиц я в этом помещении ни разу не видел, – он грустно усмехнулся. – А еще есть понятие – врачебная ошибка. Мы можем так ничего и не найти, но причина обязательно есть...

У меня же обо всем происходящем успело сложиться дру-
гое мнение:

– Дмитрий Александрович! Я вам кое-что скажу, только не смейтесь! Я попросту засыпаю – и в этот момент просыпаюсь в каком-то другом месте. А когда засыпаю там, то просыпаюсь здесь. И еще в моей голове сидит одна лохушка, которая бесконечно болтает.

– Не понял, где просыпаешься?

– В другом месте ... – вслух это прозвучало еще нелепее, чем в моих мыслях.

Врач поспешно встал, еще раз взглянул на пиликающий аппарат:

– Повторим утром томографию. Возможно, на первом снимке пропустили опухоль. Ты только не паникуй, если стадия ранняя, то вполне поддается лечению.

– Опухоль мозга? – я и не собиралась паниковать, просто уточняла.

– Зрительные и слуховые галлюцинации вкупе с необъяснимыми комами... Я уже и не знаю, что думать. Но проверим еще раз.

Какова вероятность того, что он прав? Ничего со мной не происходило – все лишь проекция разъедаемого раком мозга? Если уж выбирать, то я предпочла бы оказываться в дру-

гом мире с некромантами и гаками. Ненадолго, конечно.

– Дмитрий Александрович, – окликнула я, поскольку врач уже выходил из палаты. – А можете мне дать что-нибудь такое, чтобы я не спала? Вообще никогда не спала!

Он только головой покачал. Но чуть позже я все-таки выпросила у медсестры потрепанную книжку и твердо вознамерилась продержаться как можно дольше.

Ближе к утру глаза сами собой закрывались.

– Танюх! – мысленно позвала я, чтобы взбодриться хотя бы разговором. Однако девица моя не ответила. – Тань, ты где там?

И снова тишина. Неужели испарилась? Но пару часов назад она совершенно точно была со мной. Прочла еще пару страниц, поглазела в потолок, поняла, что очень скоро сдамся, и потому позвала снова – на этот раз вслух и строже:

– Танюха!

– Ну что? – мне буркнуло недовольно.

Я пережила прилив разочарования, но пыталась думать без подчеркнутого раздражения:

– Где ты была?

– Здесь была. Спала я.

– Спала?!

Этот факт отчего-то меня очень возмутил. Пока я тут за

всех отдуваюсь, нахлебники с чистой душой дрыхнут?

– Спала, – на этот раз ее голос прозвучал довольно. – Я, кажется, за всю предыдущую жизнь столько не отсыпалась, как теперь.

Моему же возмущению не было предела:

– Ничего себе! А я что, получается, вообще спать не должна?

– Не ругайся, Оль, – Тайишка зашептала примирительно. – Возможно, я отсыпаюсь за нас обеих. Или ты успеваешь отдохнуть во время перемещений... Ну, признай же – ты всегда просыпаешься бодрой.

Что правда, то правда. Я и сейчас понимала, что хоть и раздавлена усталостью, но стоит мне только уснуть и проснуться в их ужасном мире, как я буду чувствовать себя иначе – будто на самом деле часов восемь отсыпалась. И все равно текущее распределение задач меня не устраивало, потому я решила плеснуть масла в огонек:

– И ты даже не проснулась, когда Дмитрий Александрович заходил?

– Дмитрий Александрович... – протянула Тайишка. Уже по ее тону стало понятно, что я попала в нужную точку – врач моей подселенке нравился бесконечно.

– Ну да. На свидание меня пригласил... Так и говорит, утром МРТ сделаем и на свидание рванем.

– На свидание? – она внутри меня запищала и словно бы в ладоши захлопала.

До чего же наивная! И в голову ведь не приходит, что мы в реанимации находимся, и от первого свидания хоть с кем-то меня, возможно, отделяет целая опухоль... Зато после этого я уже наслаждалась издевательствами:

– Ага. На карете, говорит, за тобой заеду и рванем. А я ему: да что вы, Дмитрий Александрович, я не такая, чтоб прям на второй день знакомства сразу на карете...

– У-у, – разочаровалась Тайишка. – Но в чем-то ты права, конечно... Хотя ведь видно, что человек он благородный и порядочный. Из хороших некромантов.

С чего, интересно, ей это видно-то стало? Мы с ним парой фраз за все время перекинулись. Он может быть вовсе не порядочным, или наоборот – самым порядочным мужем и отцом многодетного семейства. Но у дурехи моей наивной мыслительная деятельность так широко не работала. Я только-только входила в азарт:

– И так он разозлился на мой отказ: глаза вспыхнули страстью, на лбу испарина...

– Прямо-таки сразу страстью? – не поверила, но на всякий случай обрадовалась она.

– Страстью, страстью... Подходит он к моей кровати и говорит: «Моей будешь, душенька Ольга! По воле или без таковой!»

– Ого... Там ведь женщина лежит. Неужто прямо при посторонней такое сказал?

– Да она в коме лежит. Считай, что в другом мире... Так

вот, подходит он, глазами своими карими зыркает – я от одного его взгляда мокрой стала...

– В смысле?

– Ну... понравился мне его взгляд. А он простынь откидывает, одежду с меня срывает и наваливается сверху. Я сначала-то еще кричала, сопротивлялась, но он меня поцелует и заткнул. А дальше я уже и не сопротивлялась. Ноги ему на плечи закинула, да так стонала, что медсестры в палату забегали, краснели и тут же выбегали... Но знаешь что, Танюха, некромант-то наш прекрасный на этом не закончил! А закончил он мне в...

– Стой! – неожиданно взбеленилась Тайишка. – Хватит!

– А что хватит-то? Неинтересно рассказываю?

– Да разве такое непотребство можно?.. Это как же... Пока я спала, ты тут... стонала?

– Еще как стонала! Он обещал после МРТ опять зайти – повторим, говорит, только меня перевернем...

– Хватит!

Она была настолько возмущена, что даже моего смеха не слышала. А я уже вслух хохотала, хоть и пыталась зажать рот рукой, чтобы медсестры на самом деле не услышали и психиатра не вызвали. Тайишка отчего-то совсем границы потеряла:

– Это же... как же? Неблагородный совсем... и ты... как куртизанка какая?

– Куртизанка? – я перестала смеяться. – Тебя тут вообще

оттарабанили, пока ты спала!

– Легкомысленная куртизанка!

– Ты это, Танюх, слова-то выбирай...

– А как еще на подобные вещи смотреть?

– Ты просто злишься, что тебя не разбудили.

– Белые духи леса! Я бы тогда вообще от стыда сгорела!

А если мы с тобой ребеночка понесем? Об этом не думала, легкомысленная... Оля?

Я бы могла остановиться – признать, что соврала. Но это было выше моего чувства юмора:

– Не понесем, Танюха, выдохни. Мы это... резиновой магией предохранялись.

– Чем?

– Магия резиновая. Ее на член натягивают. А член, если ты вдруг не знаешь, – это пенис, ну... гениталии мужские, то, что у парней между ног растет.

– А, – она отрезала коротко, как только поняла, и сразу замолчала.

Возможно, она там внутри в обморок грохнулась. А мне веселья надолго не хватило: уже минут через десять снова захотелось спать. За окном уже рассвело. Еще полчаса, и начнутся новые анализы и диагностика. Но я, кажется, полчаса не протяну...

– Тань... Тань, спишь опять? Поговори со мной, иначе засыпаю.

– Не сплю. Пытаюсь понять тебя и принять без осуждения.

– Да пошутила я. Вот теперь можешь осуждать.

– О чем пошутила? О порочной связи с прекрасным некромантом?

– Ну да.

Она облегченно выдохнула и даже хихикать принялась.

Но теперь и это не помогало. А потом она и выдала:

– Слушай, Оль, я о чем подумала – когда Эльрик проснется и увидит мое тело, то решит, что померла опять.

– И что?

– И бросит меня там, гаке на съедение. Не потащит же с собой.

Мне почему-то вообще такая мысль в голову не приходила. Скорее всего мне попросту было плевать, что там произойдет, пока я здесь. Но неудивительно, что Тайишка на этот счет очень тревожилась. Да и мне не по себе стало – ведь если нас там съедят, то она навечно во мне останется... Я уже почти привыкла, конечно, но если она примется читать мне нотации по любому поводу... Это что ж за веселенькая жизнь нас обоих ожидает?

Приняв решение и не собираясь его обсуждать, я закрыла глаза. Нет у меня пока иного выхода, как спасти обеих в двух мирах. Вот как найдем решение проблемы и разделимся, когда я смогу оставить Тайишку в ее теле, тогда уж можно и отпустить свою ответственность.

Глава 3

Эльрик лежал рядом и смотрел в ясное небо. Как только я пошевелилась, медленно повернул голову в мою сторону:

– Так и знал, что снова воскреснешь... Мертвая была. Я что же, мертвого от живого не отличу?

– И тебе доброе утро.

Я потянулась и приподняла голову. Гака крутилась неподалеку: тварь поскуливала и с такой тоской смотрела в нашу сторону, словно надеялась, что мы из жалости к ней выйдем и позволим себя съесть. Она передвигалась, как и ночью, на четырех конечностях, но подпрыгивала теперь с видимой тяжестью. То ли от голода стала вялой, то ли Эльрик вчера сказал правду: при свете дня человекообразное чудище слабеет. Сейчас ее безобразное тело уже не казалось таким страшным, от такой твари я, возможно, и сама сбежать смогу. Потому я зевнула и снова посмотрела на своего неприятного попутчика:

– Откуда они берутся? Гаки эти ваши.

Он снова пялился в небо и явно не спешил вернуться к делам.

– Меня больше интересует, почему ты то воскресаешь, то умираешь...

– Сама не знаю. Но могу сделать выводы, что для опытов я по этой причине не годюсь. И в рабстве с меня толку мало

будет: какому хозяину понравится, если я жбан чищу-чищу, а потом помираю? Воскресла, а жбан-то сам себя не почистил.

– И то верно... – он будто бы сам с собой рассуждал. Точно размышлял, куда меня, такую ущербную, продать будет выгоднее.

Пришлось подсказывать:

– Вижу один выход – отпустить на все четыре стороны.

Он сосредоточился, прищурился, но потом покачал головой:

– Да нет. Возможно, что некроманту для опытов такой экземпляр как раз интересен будет! А еще лучше: вообще ему об этом не сообщать...

– Вот ведь заладил! Ладно, приятель, убивай эту тварь, да пойдем уже на опыты сдаваться. А то скучно тут.

Я хоть и врала без зазрения совести, но Эльрик этой очевидности внимания не уделял. Он потянулся, потом приподнялся на локте и задумчиво уставился в сторону твари:

– Гаки – это особый вид демонов. И есть у них только одно предназначение – жрать. Санитары леса, можно сказать. Но в отличие от асуров или ёки, гаки своего тела не имеют, потому вселяются в людей: в детей там, больных, слабоумных, тех, в ком сознания твердого нет. Ну, или в трупы. Но приклеиться они могут только к магии в крови. Чем больше магии, тем сильнее гака. А у ведьм самая большая концентрация магии, потому их после кончины сразу сжигают, абы

чего не вышло. Приходят гаки, как и все демоны, из другого мира. И никакими заклятиями это не остановишь.

Я хоть и удивилась, что Эльрик удосужился подробно ответить на мой вопрос, но ликовать не спешила:

– А ты ведь тоже маг, то есть в зоне риска!

Он снова рассмеялся – у него, видимо, от смеха иммунитет укрепляется, а иначе не объяснишь, почему он все время хохочет:

– Я уже достаточно взрослый, и, как можешь заметить, не самый слабоумный.

С этим бы я поспорила, но нашлись вопросы поважнее:

– Ладно, умник с магией в крови, мочи демона и пойдем отсюда. Она прямо на глазах медленнее стала.

– Медленнее, – согласился он. – Но зубы такие же острые. Я ее, конечно, убить смогу, но для начала мне нужна гарантия. Поклянись, что не попытаешься сбежать.

– Клянусь! – легко ответила я. Это ж не пионерская клятва, в самом деле, а просто слово, необходимое для выживания.

Эльрик теперь смотрел мне прямо в глаза:

– Нет, не так. Повторяй: «Клянусь, что не отойду от тебя на десять шагов».

Я пожалала плечами и повторила слово в слово. Но он никак не унимался:

– «Клянусь, что буду подчиняться тебе, пока не передашь меня в руки новому господину».

Вот на этом моменте интуиция тревожно запульсировала где-то под ложечкой, но тем не менее я произнесла слова. Эльрик щелкнул пальцами возле моего носа и легко подскочил на ноги. Тайишка внутри меня молча слушала наш разговор и лишь поддакивала моим решениям.

Эльрик махнул рукой, и голубой огонь, всю ночь горевший по окружности, вмиг исчез. Тварь, будто только ждала сигнала, тут же рванула вперед – хоть ее движения и были замедленными по сравнению со вчерашними, но перемещалась она тем не менее с приличной скоростью. Гака высоко прыгнула, нацеливаясь на самого сильного противника, но Эльрик словно схватил горсть воздуха, зажал в кулаке и швырнул в нее. В горло твари впечаталась струя того же огня, отчего она сначала завизжала и, подсеченная на излете, рухнула на землю. Трепыхалась еще несколько секунд, а потом затихла. Неплохо! Но от туши начал подниматься какой-то белесый, живой пар. Я замерла в ужасе, но Эльрик, шагнув ближе, тем же синеватым огнем полоскал по этому дымку, пока тот не исчез полностью. Так, насколько я могла судить, сам демон и был уничтожен, а не только его оболочка.

– Ух ты! – честно призналась я. – Я тоже так хочу!

Эльрик глянул на меня и снова тихо рассмеялся.

– В тебе нет магии, так что не светит. Таким, как ты, или в богатых семьях надо рождаться, или вообще не рождаться.

– Какая прелесть, – обиделась я. – Кстати, а изгонять этих самых демонов вы не пробовали?

– Как это – изгонять? – не понял он.

– Экзорцизмом. Как же еще? – я блеснула эрудицией.

Но Эльрик в ответ только светлую бровь изогнул и покровительственным тоном отрезал:

– Не лезь, неграмотная, в тему, в которой не соображаешь!

Я обиделась повторно, но спорить поленилась. Еще посмотрим, кто из нас тут неграмотный.

Мы довольно долго шли сквозь чащу, потом свернули на тропу. Тряпичные боты на ногах порядком истрепались – после вчерашних приключений особенно. А рубаша теперь уже не казалась большой и уютной. А мы все шли и шли. Я оглядывалась, чтобы не пропустить правильный момент. Эльрик прошел вперед, я немного отстала. Он даже не оглянулся. И тогда я, не теряя времени, рванула в сторону. Конечно, еще не забылось, что он, как и вчера, меня отыщет. Но это ведь не значит, что и пытаться не стоит! Отыщет – снова сбегу. Потом снова и снова. Пока ему не надоест.

Но пробежав всего несколько шагов, я вдруг замерла на месте. Как если бы впереди воздух был податливой резиной: не обо что ударяться, но двигаться дальше все сложнее, вязнешь. Но я, стиснув зубы, пыталась прорвать невидимую ловушку.

– Ты чем занимаешься? – спокойно поинтересовалась Тайишка.

– Сбегаю! – обозначила очевидное.

– Куда сбегашь? Ты ведь магу поклялась, что не сбежишь.

Ее ровный голос вкупе с вязким пространством сделали все понятным. Клятва! Это были не просто слова и не простой щелчок перед носом! Этот червь меня таким образом к себе привязал! Нахлынула злость на Тайишку до желания проклясть: почему эта гадюка не предупредила?! Сидела себе и спокойно наблюдала, как я веревки на себя напяливаю? Но злость мгновенно сменился на страх... На что же я подписалась?! И нахлынула очередная волна ярости на бессловесную, бесполезную, тупую Тайишку, которая не делает ровным счетом ничего, чтобы нам обеим спастись!

Обреченно взывала – совсем тихонько и только потому, что страдающей нервной системе это было необходимо. Потом оглянулась. Эльрик стоял на тропе, сложив руки на груди, и молча ждал, когда до меня дойдет бесполезность всех попыток. Он даже не смеялся! Ситуация, в которой я оказалась, была настолько нелепой, что вызывала в нем недоумение, а не веселье! Черт меня возьми...

Я кое-как передвигала ноги, вернувшись на тропу. Совсем не привыкла находиться в ситуации, где не имею права голоса. Тайишка изводила окончательно:

– Вот и хорошо, Оль, хорошо. Мы у некроманта немножко послужим, а потом он нам обеим поможет. За хорошую службу отчего ж не помочь? Тебя в твою любимую реани-

мацию отправит, меня тучочки оставит. А если некромант добр, так я при нем и останусь, в благодарность трудиться буду усерднее любого другого...

– А как же Дмитрий Александрович? – со злостью поинтересовалась я. – Неужели не захочешь его снова встретить, на прощание?

Она томно вздохнула. Нет, вы только посмотрите на нее: придумала себе зазнобушку и печалится теперь. А то, что нас с ней прямо сейчас неизвестно куда ведут, так это ерунда, ее душевных переживаний не стоящая.

Вдалеке тянулись городские стены. Столица – как я сама поняла и как подтвердила Тайишка, с такого расстояния напоминающая средневековый европейский городок. Академия некромагов, блатных принцесс и прочей нечисти располагалась в отдалении, как раз за лесом, который мы миновали. Но мы направлялись не в город – Эльрик на перепутье взял вправо. Вопросов задавать не хотелось, но по мере приближения к цели я понемногу начала волноваться.

Дом, или правильнее назвать его помещьем, некроманта не напоминал жуткий средневековый замок. А именно это подсознательно и ожидалось. Ничего подобного. Довольно красивое издали здание в пару этажей, расположенное в низине, было огромным и совсем не пугающим. Да и сад цветущих яблонь перед ним нагнетанию обстановки не способствовал. Вот только высоченный забор смущал. Чем ближе мы подходили, тем больше он скрывал, а без цветущих яб-

лонь и довольно приятного на вид особняка оставался только бесконечно высокий забор. Зачем, спрашивается, огораживать дом такой защитой, если скрывать нечего? И если это не способ предотвратить бегство нерадивого слуги или случайно заглянувшего гостя. Эти мысли не могли не тревожить, да и предстоящая встреча пока ничего веселого не обещала.

На воротах стояла охрана – двое мужчин, которые узнали Эльрика и равнодушно ему помахали. Наверняка пройдоха не врал хотя бы в том, что подрабатывал здесь. Ворота со скрипом открылись, впуская нас внутрь. Я, опустив голову, поспешила догнать Эльрика и попыталась не обращать внимания на взгляды. Все же мой внешний вид оставлял зрителям право хотя бы на удивление.

И очередное изумление: внутри там и сям были люди. Кто-то работал в саду, кто-то подметал дорожки. По меньшей мере это давало надежду, что зверства здесь творятся не постоянно. Невозможно же такое количество народа приучить смотреть на зверства? Или я просто себя этой мыслью успокаивала. Тайишка, которая долгое время помалкивала, вдруг зашептала:

– Я боюсь, Оль... Сама не понимаю, отчего так сильно боюсь...

– Ага. Вовремя, – я не собиралась ее жалеть. – Даже странно, что ты сейчас испугалась, а не после того, как от тебя третий кусок мяса отрежут.

– Но ведь некроманты и добрыми бывают, правда? – она

не меня, она саму себя утешала.

– Зуб даю, бывают. Их потому некромантами и называют, что в переводе с древнегреческого означает «добродушный филантроп».

– Кто добродушный?

– Заткнулась бы ты, Танюха. Мы в этой заднице с твоей помощью оказались.

Эльрик, подхватив меня под руку, потащил вперед. В дом, где вначале раскинулась огромная и уютная гостиная, потом в какой-то коридор – уже более мрачный, другой коридор, после поворота еще один, и наконец втолкнул меня в залу. Тоже огромную, но не имеющую ничего общего с комфортом первого помещения. Серые каменные стены, каменный стол и каменные же стулья вокруг. И ни души. Пока я осматривалась, позади грохнула дверь. Резко обернулась, но за моей спиной стоял только улыбающийся Эльрик.

– Это и есть услуга, о которой попросил меня кузен, господин Шакка.

– Вижу. Молодец, Эльрик. Я ждал тебя, Тайишка. Время возвращать долги.

И ведь еще секунду назад никого там, откуда раздавался теперь голос, не было. Но я не повернулась – обмерла. Наше общее с Тайишкой сознание вмиг собрало картинку. Дмитрий Александрович, так сильно похожий на некроманта из ее детства... Некромант, больше двадцати лет назад записавший Тайишку в должницы... И этот голос, слишком сильно

похожий на голос Дмитрия Александровича... Я точно знала, чье лицо увижу, когда повернусь. И плевать, что Эльрик описывал какого-то старика. Откуда же мне знать, как они тут молодость сохраняют?

Но пока они переговариваются, есть время, чтобы прийти в себя.

– Сколько я тебе должен за услугу, Эльрик?

– Триста монет, господин Шакка, как договаривались, – мой пленитель улыбнулся еще шире.

– Мы договаривались, что ты будешь присматривать за своим кузеном и обязательно окажешься поблизости, когда тому потребуется помощь. Мы договаривались, что ты сразу сообщишь мне о любой оказанной услуге, а не будешь взвешивать другие варианты. И мы не договаривались, что ты станешь таскать свою находку по лесам.

Возможно, некромант умел читать мысли или попросту хорошо знал Эльрика, раз так точно угадывал. Но парень лишь на мгновение скосил взгляд на мое израненное ветками лицо и пожал плечами:

– Варианты я взвешивал только на случай, если сама девица вам не понадобится. Мало ли! А по лесам мы тоже не по моей воле бегали. За это уже со своей девственницы и спрашивайте, господин.

– Тайишка не могла бежать от меня. Вся ее судьба была начерчена так, чтобы она оказалась здесь. Тебя я отправил только для того, чтобы проконтролировать и ускорить неиз-

бежное.

Дмитрий Александрович, если их сравнивать, произносил слова не так протяжно. Не добавлял в голос тягучего бархата – он просто произносил слова. У некроманта же была своя манера речи, и тем не менее голос тот же. Если эти двое различаются между собой характерами, как мы с Тайишкой, то меня могут ждать пренеприятные сюрпризы.

– Но она пыталась! – упрямо повторил Эльрик и заметно забеспокоился. – Первым надгробием клянусь! Она ударила меня... и так рванула... я кое-как ее нашел! И от гаки уберег!

Мне ли не знать, что на этот раз он говорил чистую правду? Но некромант, судя по всему, был убежден в какой-то собственной версии: Тайишка на крыльях бесконечной благодарности обязана была лететь в его объятия. И летела бы, если б я не мешала. Так что в каком-то смысле он не ошибался. Эльрик же побледнел:

– Господин Шакка! Я выполнил ваше поручение со всем рвением, на которое способен, клянусь...

– Хватит, – его собеседник даже голос не повысил. – А сколько ты взял с тех неучей, что воскресили ее?

Ого, похоже, тут новости распространяются быстро. Выходило так, что псевдо-Дмитрий Александрович уже в курсе всего произошедшего. Или даже специально подослал Эльрика, точно зная, что именно к нему шалопаи обратятся за помощью? Если так... уф, мороз по коже.

Эльрик все же отличался сообразительностью. Секунду

подсчитывал в уме и выдал:

– Мне хватит и двухсот монет, господин Шакка.

– Снова молодец. Теперь иди.

Эльрик облегченно выдохнул, меня же накрыло паникой. Все, вот буквально все познается в сравнении! Теперь он показался мне хоть сколь-нибудь знакомым человеком. Да, неприятным и не вызывающим доверия, но тем, с кем я знакома аж со вчерашнего дня! Такой роскошью раскидываться мне душевных сил не хватало. Потому порывисто схватила его за локоть:

– Не уходи!

Он снова бросил взгляд за мое плечо, потом на меня. Положил ладонь поверх моих пальцев и, ухватив, оторвал их от своего рукава. Выдавил:

– Отцепись, Ольга Сергеевна. Ты теперь давай-ка сама по себе.

И почти бегом направился на выход, напоследок тяжело хлопнул дверью. И ведь он не сообщил заказчику о моих бесконечных отключках. Вот и торопится награду забрать и ноги сделать.

Вдохнула. Выдохнула. Медленно повернулась. Расширила глаза, но ничего не сказала.

– Здравствуй, Тайишка.

Не ответила. Что-то здесь не так. Сначала сама разберусь, а уж потом буду его поправлять – Тайишка я или не только Тайишка. Передо мной стоял мужчина, не имеющий ничего

общего с Дмитрием Александровичем. Полноватый приземистый старик, на голову ниже меня, совершенно лысый. А лицо... его лицо казалось безобразной карикатурой на неандертальца. Возраст сложно определить: возможно, лет пятьдесят или больше, но морщин нет. Зато есть уродливая улыбка. Он, не дождавшись моей реакции, сделал шаг вперед. Я вздрогнула, но не отступила.

– Ты не помнишь меня, конечно. В детстве ты была больна...

Кажется, он рассказывал ту самую историю, которую я уже знала. Но в этот момент я прислушивалась к изумленной Тайишке:

– Это... не он! Не он!

Я не отрывала взгляда от него. Ответила ей уверенно:

– Он, Тань. Присмотрись и прислушайся. Не понимаю, что происходит, но это точно он.

Темно-карие глаза были единственным в его внешности, что можно было назвать красивым. И это совершенно точно были те же глаза, которые я видела у реаниматолога. Сама Тайишка взвизгнула, заметив это, и притихла. Придется снова отдуваться в одиночку:

– Господин Шакка, – надеюсь, что его имя я запомнила верно, но он не поправил, потому я продолжила: – А какова вероятность, что та самая детская болезнь меня настигла по вашей милости?

Мужчина изогнул бровь. Показалось, что и улыбка его

стала чуть иной – капля удивления вместо карикатурного презрения. И во взгляде чуть больше внимательности:

– Я представлял тебя совсем другой.

– Я вас тоже представляла другим, – не растерялась я. –

И все же?

На мой вопрос он отвечать не собирался:

– Все узнаешь со временем. Сегодня можешь отдохнуть.

Твоя комната ждет тебя.

– А что будет завтра?

Его темные глаза сверкнули, но в голосе звучал прежний бархат:

– Ты совсем не такая, как я себе представлял. Совсем.

Стоило мне только на секунду обернуться к открывшейся двери, в которую вошла сутулящаяся девушка, потом снова посмотреть на собеседника... как собеседника на месте не оказалось. Пустая зала, и ни души. В моем мире таких «некромантов» называют «фокусниками» или еще точнее – «фиглярами», и вряд ли в эти слова включают уважительный подтекст. И все равно по спине пробежали неприятные мурашки.

Служанка попросила меня следовать за ней. Я поначалу не обратила внимания на монотонность ее голоса, получив возможность пообщаться хоть с одним потенциально нормальным человеком:

– Как тебя зовут?

– Можешь звать меня, как тебе захочется, или не звать

вовсе. Но если непременно нужно имя, то Марушка, – на одной ноте произнесла она.

Я растерялась:

– Хорошо... Марушка. Давно здесь служишь?

Она не ответила. Возможно, сама по себе была неразговорчивой, или ей попросту запретили со мной общаться. Однако больше всего смутил ее бесконечно унылый голос, и я не собиралась сдаваться – надо было выяснить хоть что-то.

– Добр ли твой господин, Марушка? – снова в ответ тишина. – Часто ли заходит Эльрик? Ты знаешь Эльрика?

– Конечно, – она удивила тем, что наконец-то соизволила открыть рот. – Эльрик выполняет мелкие поручения господина и нередкий гость в этом доме.

– А тебе здесь нравится?

И опять молчание. Мы плелись по бесконечному коридору. Сейчас это жалкое подобие человека доведет меня до нужной двери и оставит без ответов? Ну уж нет. Я схватила ее за плечо и развернула к себе, повторяя вопрос:

– Тебе здесь нравится, Марушка?

И замерла. Девушка была довольно молода и симпатична, но ее глаза были... пустыми. Я не могла подобрать лучшего определения. Еще более пустыми, чем ее пустой голос. Я от этого неприятного осознания ухватила ее крепче и встряхнула:

– Марушка!

– Да, Тайишка. Что прикажете?

Ужас какой... Кукла? Запрограммированная на определенные ответы? Я резко выдохнула и попыталась говорить спокойнее:

– Прикажу отвечать на мои вопросы, что же еще? Как давно ты в этом доме? Или тебе нельзя отвечать?

– Почему же, можно, – она смотрела на меня мутно-голубыми стекляшками. – Просто не вижу в этом смысла. Лет семьсот примерно.

– Сколько?!

– Лет семьсот примерно.

Хоть руки у меня и задрожали, но упускать инициативу я не собиралась. Перепугаться от осознания всегда можно и попозже.

– Ты живешь семьсот лет?!

– Живу?.. – она как будто задумалась. – Ну, можно и так сказать. Господин Шакка не любит изменений в обстановке, и потому оставил себе всех слуг, которые были с ним с самого начала.

– Оставил? – кажется, я поняла смысл сказанного. – Он вас воскрешает, что ли?! Это ж сколько раз он тебя воскрешал, что ты на живое существо перестала быть похожей?

– Всего один, – монотонно ответила служанка. – Но господин не любит шума и скандалов, потому он возвратил нас частично. Зачем эмоции, если и без них работать можно?

У меня попросту не осталось слов. И Тайишка внутри окаменела. Мы пока это даже друг с другом обсуждать не могли.

Моя комната оказалась небольшой и довольно уютной, если бы мне было дело до уюта. Широкая кровать, тумба с масляной лампой, шкаф... Но я, как только Марушка ушла, приблизилась к окну. Вон там садовник обрезает ветки, тут женщина продолжает подметать дорожку, вдалеке у забора пара работяг что-то пилят. И что, все они такие же зомби? Воскрешенные неэмоциональные марионетки, которые уже семь столетий подряд подрезают, пилят и подметают? Обхватила себя руками, пытаюсь унять озноб. Даже общество гаки теперь не казалось таким уж страшным – тварь хотя бы улыбаться умела и хохотала вполне себе по-человечески! А эти ходячие трупы... Нет, меня истеричкой не назовешь! Но все внутри мелко тряслось от осознания, что вокруг меня, кроме самого господина, нет ни одной полноценно живой души. Теперь я боялась – как никогда до сих пор. Ощущала настоящий, вяжущий страх, лишаящий сил и надежды.

Я знала, что должна сделать. Лечь, уснуть и некоторое время провести в обществе нормальных людей! Просто чтобы не сойти с ума и хотя бы отчасти привыкнуть к мысли. Но долго ворочалась и не могла успокоиться. Господину Шакке примерно семьсот лет. Ладно. По крайней мере Эльрик не соврал, называя его старым. Господин Шакка не любит шум и скандалы. Ладно. Я тоже не особенно люблю скандалы, но всегда готова поскандалить, если от этого будет зависеть мое благополучие. Господин Шакка вылечил маленькую Тайишку, чтобы сейчас она... Понятия не имею, зачем она

ему нужна. Но какая-то цель точно есть! Возможно, он ждет от нее чего-то... а если получит, то вполне возможно, пойдет навстречу разрешению и моей проблемы. О которой еще сам не подозревает. Ладно. Пока лучше не распространяться о том, что Тайишка не совсем Тайишка. Кто знает, как эта информация скажется на нашей общей биографии...

Глава 4

Дмитрий Александрович сидел на стуле, уперев лоб в ладони. Как только я открыла глаза, пиликанье слева чуть ускорилося. Он посмотрел на меня без удивления, потом на монитор и снова на меня. Я улыбнулась.

– Ну, привет, Ольга. Я поспорил с самим собой, что ты просто очнешься. Без какой-либо помощи. Я выиграл спор.

Да, точно тот же голос. Только гласные едва заметно короче и в тоне нет скрытой глубины.

– Здравствуйте, Дмитрий Александрович. Разве ваша смена не закончилась?

Он кивнул. Я успела понять, что в моем мире проходит примерно столько же времени, сколько я провожу в другом. И сейчас должно уже вечереть. На мой вопрос реаниматолог не ответил, как-то неестественно спокойно заговорил о другом:

– Почти восемь часов на этот раз. У тебя падает давление и сердечный ритм, но ничего критичного. Никаких реакций на раздражители, вообще. Никаких реакций на препараты. Ты просто уходишь и возвращаешься.

– Я знаю. Вы так переживаете из-за того, что не можете найти причину?

Он резко встал, отошел от моей постели, замер перед окном. Попутно я заметила, что кровать, на которой раньше ле-

жала женщина, теперь пуствовала. Дмитрий Александрович говорил ровным тоном:

– Разве я переживаю? Нет, Ольга. У меня такая работа, на которой со временем перестаешь переживать.

– Тогда почему вы здесь, ведь ваша смена давно закончилась?

Он будто бы не слышал меня:

– Мы всегда готовы, что прибежит медсестра или позвонят... скажут что-то типа: «Пациентка из третьей умерла». Или: «У пациентки из второй отказала почка». Или: «Привет, Дим, сегодня ночью мы сделали все возможное, но потеряли ее». Понимаешь, Ольга?

– Нет, – я чувствовала тяжесть в его словах и на самом деле пыталась разобраться.

– И я готов. Иначе я просто не выдержал бы. Готов, что мне позвонят и скажут: «Мы сделали все возможное, но...». Я не стал бы плакать, не пошел бы на похороны и забыл бы имя через пару месяцев. Знаешь, почему врач не смотрит в глаза, когда разговаривает с родными? Чтобы они не заметили, что он на самом деле не раздавлен смертью пациента. Он уже думает о другом пациенте, но вынужден несколько минут стоять в коридоре с родными и делать все возможное, чтобы они не увидели его глаза.

Такие признания не являются открытием. Если бы в реанимации весь персонал переживал каждую потерю, как свою собственную, то уже скоро они всем коллективом бы

и свихнулись. Совсем не открытие узнать о том, что они не пускают каждую трагедию в душу, и чем хладнокровнее могут относиться, тем лучше для них и других пациентов. Не открытие, но такие признания никогда не звучат вслух. Я мало что понимала в медицине, но казалось, что это и есть основной закон врачебной этики.

– Почему вы говорите это мне, Дмитрий Александрович?

Он не поворачивался. Продолжал смотреть в окно:

– Потому что есть большая разница между тем, что я не бог – не могу спасти каждого, и тем, что я ровным счетом ничего не сделал. К первому со временем привыкаешь. Со вторым я сталкиваюсь впервые. Я ничего не могу сделать для тебя, Ольга.

Я молчала. Он хороший врач – не может смириться с собственным бессилием. Но как облегчить его ношу? В мои сказки он не верит. Потому что звучат они именно сказками.

– Я не могу перевести тебя в терапию или выписать. Три комы за два дня... Договорился со специалистами из диагностического центра – послезавтра тебя проверят еще раз. Но уже почти уверен, что и они ничего не найдут. Ты больна, Ольга, но не осталось ни одной версии, чем именно. И я не уверен, что готов завтра или послезавтра услышать: «Мы сделали все возможное...», потому что до самой смерти буду помнить, что мы ничего не сделали.

Раздавлен. Наверняка хороший специалист, который с присущим каждому врачу цинизмом готов спасать больных.

Он умеет терять, но еще никогда не терял вот так, не представляя, что происходит. Я села и заговорила увереннее – эту обстановку надо разряжать:

– Дмитрий Александрович! А кофе мне можно?

Он обернулся и уставился на меня удивленно:

– Нет, конечно.

– Жаль! Но через недельку я спрошу снова. И знаете, когда-нибудь я проснусь окончательно, обещаю вам. Но до тех пор вам придется позаботиться о моем теле, пока оно остается без присмотра.

Он устало улыбнулся, потом направился к кровати, на ходу размышляя:

– Мне импонирует твой настрой. Постараюсь организовать встречу с родственниками. И еще, попроси своего друга привезти тебе личные вещи. Мало кто в реанимации способен играть в видеоигры или читать книжки, но для тебя сделаем исключение.

– Родственниками? – разволновалась я. – Если Костя должен был позвонить им, то он вряд ли это сделал...

Дмитрий Александрович вновь плюхнулся на стул и теперь говорил легче:

– Тогда сообщи сама.

– Зачем? Чтобы они всей толпой прилетели сюда из Томска и круглосуточно выли под окнами? Не хочу. И умирать не собираюсь, потому не вижу причины их тревожить.

Он наклонился, разглядывая мое лицо:

– Черт меня дери, но сейчас ты опять выглядишь совершенно здоровой! Как такое возможно?

– Это у вас от недосыпа, Дмитрий Александрович! – я подмигнула.

Он неуверенно улыбнулся в ответ:

– Допустим. Но Костю-то твоего я могу провести.

– Его проведите, – милостиво разрешила я. – Мне надо дать товарищу ряд инструкций. Пусть прикроет мое отсутствие, пока я тут с вами развлекаюсь.

Теперь врач даже недоуменно смеялся. Как бы то ни было, но атмосферу мне точно разрядить удалось. И Тайишка сразу встрепенулась:

– Какой он, Оль, какой! – я ощутила ее мандраж. – Спроси, нет ли у него невесты или законной супруги!

– Не буду я об этом спрашивать! – внутри я смеялась. – И не веди себя как последняя куртизанка!

Она засмушалась и что-то неразборчиво забубнила. Но надо отдать должное ее вкусу: Дмитрий Александрович на самом деле потрясал и меня. И от его следующего вопроса настроение поднялось еще сильнее:

– Этот Костя – твой парень?

– А вы с какой целью интересуетесь, господин реаниматолог? – я уже не сдерживала иронии.

– Не лишним будет знать, – он поддавался на флирт. – Чем больше у человека причин, чтобы жить, тем больше у него шансов.

– Только поэтому? Эх! А я уж надеялась записаться в фаворитки, чтобы получать привилегии!

– Кофе хочешь? – сразу понял он.

– Сил моих нет, как хочу!

– Нельзя. Я тут для того, чтобы лечить тебя, а не убивать.

– Реаниматологи все такие злобные?

– Пойду напомню, чтобы принесли тебе завтрак... ужин уже. В туалет хочешь?

Разговор принимал какой-то неромантический оборот. Я нахмурилась:

– Я сама смогу сходить!

Он долго думал, потом кивнул:

– Хорошо. Но только с санитаркой. Попробуй встать сейчас.

Я не только попробовала, но даже станцевала ему не слишком эротичную ламбаду. Дмитрий Александрович был вынужден признать, что я вполне способна добраться до туалета, пусть и под надзирательством санитарки. Выходил из палаты он совсем в другом настроении, чем был еще недавно.

Когда я с удовольствием поглощала тушеную капусту с картофельным пюре из пластикового контейнера, Тайишка причитала:

– Вот бы нам с тобой туточки остаться! Тамочки совсем беда, а туточки – вон какие некроманты! Кстати, Оль, а ты его о помощи попроси! Авось знает, как нас с тобой рассе-

лить? Хотя нет, не проси! А то вдруг он меня тудашеньки отправит, а я там без тебя совсем пропаду...

Я жевала капусту и не отвечала. Наивная, до сих пор не поняла, что местные некроманты ни за что в нашу историю не поверят. А если настаивать, то отправят меня совсем к другим некромантам – и те могут оказаться далеко не такими же дружелюбными. Последнее, чего бы мне хотелось, – чтобы Дмитрий Александрович счел меня сумасшедшей.

Выяснилось, что реанимация – не лучшее место для общения. Пациенты, даже те, которые в сознании, сосредоточены на собственных проблемах. Ходячих тут и вовсе по пальцам пересчитать можно... если у вас только один палец. Медперсонал тоже вечно занят. Санитарки еще готовы перекинуться парой фраз, но у них нет времени, чтобы сидеть возле меня больше пяти минут, а врачи здесь как роботы. Кажется, они только раскидываются командами «в операционную», «проверь давление», «оформляйте в кардиологию» или ругательствами «почему до сих пор нет лаборатории? Я что, сам должен бегать в лабораторию и умолять их на коленках немного поспешить?!»... И как только выдается спокойное время, они удаляются в свою тайную комнату и, уверена, мгновенно засыпают. А как иначе у них происходит подзарядка?

Дмитрий Александрович вообще домой уехал... зла на него не хватает. Сегодняшний реаниматолог – такая же су-

ровая, как и остальные врачи, женщина – задавала мне в точности те же вопросы, а потом только головой качала, тоже возлагая надежды на углубленную диагностику. Мне становилось скучно. Кое-как по телефону уговорила Костю привезти мне завтра ноутбук и пару книг. Он так долго нудел мне в ответ, что я во всей красе припомнила, почему все же с ним рассталась. Быстро же он позабыл облегчение, которое испытал в скорой, когда выяснилось, что я жива! Но ничего не поделать – некромантскими перипетиями Костя оказался единственной моей связью с внешним миром. Ему придется идти мне навстречу. А мне придется терпеть его занудство.

В итоге вечером я все же отдалась на волю сна. Обсудили это с Тайишкой между собой. Некромант вроде бы дал мне свободу сегодня отдохнуть, а это означало, что у нас, возможно, имеется последний шанс, чтобы оглядеться в мрачном особняке.

Как же это непривычно – просыпаться в одиночестве и не под восторженные возгласы об очередном воскрешении! Я открыла глаза: в комнате пусто, а вокруг темнота. Мои подозрения, что время в наших мирах полностью совпадает, подтвердились. Здесь должно быть примерно двенадцать по московскому, но вряд ли кто-то из коренных жителей об этом подозревает. С помощью Тайишки я справилась с масляной лампой – от нее неприятно пахло, и света она давала немного, но я попыталась приспособиться. Сначала огляде-

лась в комнате: ничего нового. После тихо приоткрыла дверь и вынырнула в коридор.

Гробовая тишина. Каждый шаг слышен в этом вакууме не как ничтожный шорох, а как единственный звук вообще. Я поежилась. Возможно, в реанимации было не так уж и скучно... Но мне требовалась информация и сон. И ничего, что из полноценного сна мне достается только сам процесс погружения. Незаменяемая Тайишка успевает отдохнуть за нас обеих.

Я медленно передвигалась по освещенному коридору, приглядывая и за собственной лампой. Кто знает, что меня ждет за следующим поворотом? А поворотов тут хватало. И в бесконечном лабиринте ни души на пути не встретилось, что начинало злить. Может, мне плохо стало! Или помыться срочно понадобилось, а в этом огромном гробу полное безлюдье. Но и звать никого в голову не пришло. Вскрикнула только от радости, когда за очередным поворотом показалась знакомая уютная гостиная. А то еще немного, и пришлось бы поверить в лабиринтную магию, какую в фильмах про психические заболевания любят показывать.

Входная дверь не была заперта. Она скрипнула, когда я выходила, но страха я сейчас не чувствовала. В конце концов, не было озвучено ни единого правила, которое я могла бы нарушить. На улице темно и немного прохладно. Подняла лампу выше и осмотрелась: впереди яблоневоый сад, за ним высокий забор. И не видно ни одного человека... точнее ска-

зять, ни одной воскрешенной рабочей марионетки. Сделала еще несколько шагов и остановилась – я понятия не имела, куда идти дальше.

– Сбежать не получится.

Я вздрогнула, но удержалась и не оглянулась.

– Знаю, господин Шакка. Эльрик сковал меня клятвой.

Короткая пауза, после которой голос раздался чуть ближе:

– Он талантливый маг. Но дело не в клятве – по всей округности стоит непроницаемая защита. Никто не может войти или выйти отсюда, если я не захочу.

– Не удивлена. И стражи на воротах днем – это скорее антураж, правда?

– Правда. Почему ты не смотришь на меня?

Вопрос был не таким уж простым. Отчасти непонимание мотивов некроманта навевало ужас, но сейчас я не тряслась от страха. Или мне просто нравилось слышать его голос – приятный и слишком сильно похожий на голос приятного мне человека. Но стоит только обернуться, как это ощущение рассеется. И тогда настанет время для ужаса и страха, а не продолжения разговора. Потому я смотрела вперед – туда, где над высоким забором белела почти полная луна.

– Зачем я вам нужна, господин? – не дождавшись ответа, спросила снова: – Зачем вы ждали меня? Если я все правильно поняла, то вы с самого моего детства знали, что я окажусь в этом доме. Потому и приказали Эльрику помочь кузену. Как если бы точно предвидели этот самый момент.

– Почему ты не смотришь на меня, Тайишка?

– Вы не хотите отвечать, или я задаю неправильные вопросы?

Снова молчание, в котором я успела ощутить непроницаемую гробовую тишину. Но я знала, что он стоит там – в трех шагах за моей спиной. И очень надеялась на объяснения. Закрыла глаза, когда он заговорил – невероятное чувство полного погружения в голос:

– Будущее нельзя увидеть точно. Очень редко бывают моменты, когда удается уловить общие траектории – четкие или размытые. И да, когда я встретил тебя впервые, то увидел одну из таких траекторий. И, как видишь, не ошибся.

Заинтересованность заставила меня открыть глаза, но поворачиваться я не спешила:

– Можете объяснить подробнее, господин Шакка? Дело не только в любопытстве... а в том, что человек способен приспособиться к любым правилам игры, но для этого он должен понимать правила.

– Ты совсем не такая, какой должна была быть. Совсем.

Он часто это повторял, что, по всей вероятности, свидетельствовало о какой-то особенной значимости именно этого пункта. Я усмехнулась:

– Я помню вас, господин Шакка, хоть и была совсем маленькой. И могу сказать, что вы с тех пор тоже сильно изменились. Прежними остались только глаза и голос.

– Глаза и голос? – нельзя было сказать, удивлен ли он. Тон

был все таким же ровным. – Хорошо, я объясню кое-что. О той самой траектории, которую разглядел в умирающей девочке. Тебе судьбой было предназначено умереть молодой. И судьбой предназначено вернуться с особенным знанием. От тебя мне нужно именно это самое знание. И потому я спас тебя тогда и надолго оставил, поскольку полного понимания от двухлетнего ребенка не стоило ожидать. Потому же позволил тебе прожить двадцать лет и умереть снова. И по той же причине не стал воскрешать тебя сам. Должна была произойти какая-то ошибка, именно поэтому я ничего не делал для помощи неумехам, воскресившим тебя. Если бы я сам возвращал тебя, то не допустил бы ни единой погрешности. А ее необходимо было допустить. Понимаешь, о чем я?

Если честно, то меня пробрал озноб. Как тут не поверить в предсказания будущего? Он словно фильм на перемотке посмотрел: знал некоторые кадры и финал, но оставались пропущенные эпизоды. И, тем не менее, он совершенно точно видел фильм именно про историю Тайишки!

– Не понимаю, – соврала я. – И как мы будем решать эту проблему?

– Посмотри на меня, Тайишка.

Я медленно повернулась. Вопреки едва теплящейся надежде, увидела некрасивое лицо со знакомыми глазами и неприятной ухмылкой. Кое-как остановила себя от того, чтобы поморщиться. Некромант прищурился:

– Есть несколько способов вытащить информацию из те-

бя. Попытки, – он оценил мои расширенные глаза и только после продолжил, – это лучший и самый быстрый способ. Но помогут они только в том случае, если ты сама уже получила нужное знание. А в этом я не могу быть уверенным. И второй способ – самая обычная привязанность. Хотя бы благодарность. В тебе благодарность взращивалась двадцать лет. Твоя мать дала клятву вместо тебя, что когда-нибудь ты придешь ко мне и вернешь долг. Но сейчас, когда я смотрю на тебя, то не чувствую этой связи между нами.

Я потупила взгляд. Вряд ли он умел читать мысли, а иначе незачем было бы и допрашивать. Но я даже смотреть как Тайишка не умела. Та теперь бессловесно поскуливала внутри – ее-то сюда тянуло, и благодарность ее была искренней, двадцатилетней выдержки. Если бы я только дала ей право голоса, она выложила бы все за милую душу. И я выложу. Вот только с приоритетами разберусь. Но сейчас логика подсказывала иное: я, я и есть та самая ошибка воскрешения, так ожидаемая им погрешность неумелой некромантии. И что же он собирается со мной делать, раз готов был ждать моего появления так долго?

– Так посмотри мне в глаза, Тайишка, и скажи еще раз – не получила ли ты какое-то знание, связанное с миром демонов? Асуры, гаки и ёки тысячи лет проникают в наш мир, но никто раньше не был близок к их миру. Так скажи мне еще раз, Тайишка, что не побывала там или не знаешь о проходе между нашими мирами.

Возможно, мои глаза немного расширились, но голос уж точно дрогнул:

– Не знаю.

– Врешь.

– Я... – понимая, что должна хоть что-то объяснить, я подбирала слова. – Я пока не разобралась с тем, что увидела там, за границей смерти. Но это не мир демонов!

– Врешь.

Судорожно выдохнула. Просмотр фильма на перемотке дал ему сильно искаженную картинку. Хотя он и угадывал почти в точности. Однако в данном случае «почти» было слишком существенной разницей! А я до сих пор не понимала, у кого из нас больше козырей в рукаве.

– Дайте мне время, чтобы самой понять, господин Шакка!

– Что еще попросишь? – старческое лицо стало еще безобразнее после того, как некромант изогнул бровь. – Или уже требовать начнешь?

Вот до этой фразы я была готова просить... Хотя бы выразить надежду, что он сначала раскроет все карты сам, позволит научиться ему доверять, а потом я ему все выложу. Пусть новости и станут для него разочарованием, ведь никакой связи с миром демонов Тайишка не получила, но он уже привыкнет ко мне настолько, что сообразовит помочь в моей проблеме. Да, именно так и звучал мой идеальный план. В него только саркастично-высокомерный тон некроманта не вписывался...

– Я ничего не требую, господин Шакка.

– Совсем не такая... – он эту фразу, похоже, в голове прокручивал бесконечно. – Ладно. Я никуда не спешу и готов немного подождать, пока ты сама не примешься умолять меня выслушать каждую твою сокровенную тайну.

Вот это самоуверенность! Я не успела отвести взгляд, в котором наверняка мелькнула насмешка. Он заметил – и именно потому задал следующий вопрос:

– Тебя не тянет ко мне, Тайишка?

Внутри взвизгнула она самая: «Тянет! Хотя он так некрасив, что у меня слезы наворачиваются! И все равно тянет!». Тайишка там просто спятила, о чем я ей и сообщила. У меня было совсем другое мнение на этот счет, но вслух я сказала иное:

– Позвольте мне разобраться в своих чувствах, господин Шакка. Сейчас в голове все путается от двадцатилетней благодарности и двухдневного непонимания.

Он вдруг шагнул ближе. И теперь улыбался с нескрываемой иронией:

– Никак не могу понять, почему ты настолько отличаешься от того, что я рассмотрел в том ребенке. Но уж поверь, я не позволю твоим сомнениям уйти в неправильном направлении. Поцелуй меня, Тайишка. Если связи между нами нет, то несложно будет ее выстроить.

Поцеловать? Я неконтролируемо отшатнулась. В его темных глазах мелькнул недобрый огонек, и потому я решила

объяснить свою реакцию:

– Я смущена! И вы не зря в задании Эльрику упомянули именно девственницу! Это чтобы он не взвешивал другие варианты, когда на меня наткнется, но притом не мог увидеть всю ситуацию! Но... откуда вам было знать, что я окажусь девственницей? А если бы не оказалась, то и вся траектория насмарку? Не вините меня за то, что эта мысль теперь разъедает мне мозги.

Он усмехнулся, но в глазах веселья не отразилось:

– Тайишка – та Тайишка, которая была связана клятвой ее матери – не отдалась бы по доброй воле другому мужчине. А трагических событий в ее биографии я не увидел. Потому и предсказать это было несложно.

Теперь я уже вообще ни черта не понимала. Нет, ну благодарность благодарностью, конечно, но если бы Тайишке повстречался хороший мужчина... ну или с алкоголем как-нибудь переборщила, то к нынешнему моменту она запросто могла быть уже счастливой матерью пары-тройки детишек. Я уточнила неуверенно, боясь услышать ответ:

– Почему ж не отдалась бы?

– Потому что я обезопасил себя. Ты должна была прийти ко мне – по доброй воле и с полным желанием открыть все свои секреты. И потому я закрепил в клятве этот пункт – я буду твоей первой и последней страстью. Разве не так? Не сопротивляйся себе – подойди и поцелуй того, кого двадцать лет мечтала встретить.

«Сделай это, Оля!» – попросила Тайишка. Кажется, я даже ощущала, как ее трясет от волнения. Или первого настоящего возбуждения. Вот это я вляпалась! Тут у них, как оказалось, страсть на фоне застарелого заклЯтия. И Тайишку на самом деле тянет – просто подойти и отдаться на его волю. Но мне-то что делать? Своих бывших я безупречными назвать не могла, да и не всегда между нами была сильная влюбленность. Но любого из них – даже Костю – ни в какое сравнение с этим неприятным стариком не поставишь! Мне еще ни разу не доводилось целовать мужчину, вызывающего во мне смесь страха с отвращением. Если бы он оказался точной копией Дмитрия Александровича, то было бы легче! Тогда остался бы только страх.

Но приглушенные мольбы Тайишки и его настороженный взгляд помогли принять решение. Бывают такие дела, которые просто надо сделать. В данном случае, чтобы притупить бдительность и не вызвать еще больших подозрений. Я сделала шаг, наклонилась к его лицу, закрыла глаза. Сам господин Шакка при этом не собирался мне помогать: он не обнял, не ответил на поцелуй, когда я прикоснулась к его губам. Я прижалась чуть теснее. Один, два, три, достаточно. Отстранилась и взгляда не отвела. Глаза прищуренные, внимательные, а голос стал мягче:

– Что останавливает тебя, Тайишка? Хотя бы на этот вопрос можешь ответить искренне?

– Ты... Вы не такой, каким я вас помню.

– Не нравлюсь?

– Нравитесь! – соврала уверенно, потому что именно об этом вопила во мне Тайишка. – Но вы спросили, что меня останавливает...

Он перебил, но говорил все так же тихо:

– А разве глаза влюбленной женщины видят рост или плешину? Разве любовь не делает любую внешность привлекательной?

– А! Это проверка! – от неожиданного понимания я даже произнесла это вслух. – Вы проверяете...

И осеклась. Он знал, что настоящую Тайишку не остановила бы уродливая внешность. Она обязана была сгорать от страсти при любом раскладе! Эдакий экзамен, насколько хорошо работает его заклинание! И на самом деле он наверняка выглядит именно так, как Дмитрий Александрович. Но мне-то что делать с моим стопроцентным зрением?

– Тайишка, ответь еще на один вопрос, – если просто слушать его голос, закрыв глаза, то несложно и представить определенное влечение. Со временем, конечно, но несложно... – Ты сильно изменилась после воскрешения? Или твой характер именно такой?

– Сильно изменилась, – правду говорить легко. – И очень жаль, если я вас разочаровала.

– Не разочаровала. Вызвала интерес. А я уже лет двести ничему не удивлялся. Начинаю подозревать, что ты не просто побывала в другом мире – ты принесла в себе демона, о

котором я пока ничего не знаю. И именно он добавляет сейчас яда в каждое твое слово.

В точку, что уж сказать. Но говорить больше ни о чем не хотелось:

– Господин Шакка, я очень устала.

Он отступил в сторону:

– Иди сегодня, Тайишка. Но с завтрашнего дня я начну узнавать тебя. И позволю тебе узнавать меня. Усни с этой мыслью, Тайишка, привыкни к ней.

Я поспешила скрыться за дверью. Кое-как отыскала свою комнату и после этого зарылась в одеяло с головой. Теперь я понимала куда больше, но облегчения понимание не приносило. Тайишка внутри подвывала – ее пока еще нереализованное желание к некроманту будет только возрастать. Мне придется каким-то образом подыгрывать... или честно признаться. Ему ведь Тайишка нужна: пусть меня выселяет домой, а ее забирает с потрохами, на все согласную! Да вот только пульсировала одна тревожная мысль: именно я пришла из другого мира, и без меня Тайишка не сможет рассказать ему ничего любопытного. Отпустят ли меня после таких новостей?

Глава 5

– Дмитрий Александрович, а можно я вас на ты буду звать?

– Нельзя.

– Тогда почему вы мне тыкаете?

– Моя реанимация – мои правила. Что у нас там в козырях?

– Черви.

– Ненавижу червей. Но буду продолжать не замечать, как ты мухлюешь.

– А вы еще чаще из палаты выходите. Тут даже ангел начал бы мухлевать!

– Хорошо, что я на деньги не согласился играть.

– О, Дмитрий Александрович, есть вопрос, который я всю жизнь мечтала задать реаниматологу! Нам в институте на психологии давали. Допустим, привозят к вам в тяжелом состоянии сразу нескольких человек: преступника, полицейского, ребенка и мать четверых детей. Вы один, и принимать их можно только по очереди. Причем известно, что шансы следующего сокращаются, а последний точно не доживет. В каком порядке будете их реанимировать?

– Бред какой-то.

– Ответьте!

– Ну... ребенка увезут в другую реанимацию, детскую.

Это не мои проблемы.

Я начала злиться:

– Ла-адно. Минус один. С остальными что делать станем?

Дмитрий Александрович задумчиво разглядывал свои карты. Потом выдал:

– Ты вход в отделение видела?

– Видела. И что?

– Туда пройдет одновременно только одна каталка, и поэтому поступать они будут уже в определенной очереди. Вот в этом порядке и будем реанимировать.

– Но как же? – не поняла я. – Неужели преступник важнее матери четверых детей? Вы о социальной справедливости слышали?

– Мне дело делать или о социальной справедливости думать? Пока я буду взвешивать варианты, все трое могут умереть.

– Четверо!

– Трое. Помнишь, ребенка уже увезли в другую реанимацию? Не мои проблемы.

– Вы циник! А если спасете одного преступника, неужели не будете потом сожалеть?

– Не о чем сожалеть. Потому что я даже спрашивать не стану, кто из них кто.

– А я вам скажу! Вот специально, чтобы вас совесть мучила.

– Не сомневаюсь. Но знаешь, Ольга, иногда правильнее не

думать, если мысли мешают действиям.

Крик из коридора не позволил мне возразить:

– Кто на смене? У нас огнестрельное!

– Вот я и пообедал, – Дмитрий Александрович бросил карты на кровать и отправился к выходу.

И как здесь не мухлевать? Хотя на этот раз он пробыл со мной целых одиннадцать минут! Рекорд.

На долгое время затихшая Тайишка теперь встрепенулась:

– Какой он, Оль, какой! Скажи, что у тебя тоже дух захватывает, потому что ты ведь видишь его теми же глазами, что и я!

Я улеглась на подушку и зевнула.

– Танюх, ты бы определилась уже. Влюбляться одновременно можно только в одного человека – таково основное правило мироздания, если ты не знала. Так от кого у тебя дух захватывает: от Дмитрия Александровича или господина Шакки? Я твоим трепетом и вчера натрепеталась, так что давай уже сузим круг объектов для трепета.

Она долго думала над ответом:

– Влюбляться? Это вот так, получается, чувствуешь влюбленность?.. Тогда я на распутье: Дмитрия Александровича люблю мыслями, а господин Шакка вызывает у меня волнение... немного ниже, чем в голове.

Это было наилучшее время, чтобы над ней подшучивать, но мне показалось, что сейчас важнее разобраться:

– Страсть?

– Возможно... Откуда ж мне знать?

– Видишь ли, Танюха, я не в курсе, была ли ты вчера в отключке, когда наш страстный некромант историю рассказывал. Особенно ту часть, когда признал, что вся страсть в тебе к нему – это внушение. Гарантия, что явишься к нему по доброй воле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.